Абсолютные миротворцы (сборник)

Автор:
Олег Дивов

Абсолютные миротворцы (сборник)

Олег Игоревич Дивов

Новый Дивов

Эта книга о скромных героях, которые не сдаются, потому что не умеют.

Они тонут, падают с неба, пропадают в снегах, горят на работе. Давно бы им конец настал, но эти люди (и не только люди) – типичные персонажи Олега Дивова. Совсем непохожие на супергероев, они в самом безвыходном положении найдут внезапное решение и неожиданные инструменты.

У робота есть лопата. У астронавта – пассатижи и отвертка. У генерала – помойное ведро с кормежкой для медведя. И еще мегафон для орального управления самолетом с подводной лодки. Если за стриптизершей ходит маньяк, выручит свеча зажигания от мотоцикла. Оружие гуманитарного технолога – доброе слово и пистолет. А космическим землемерам никуда без Кацмана.

А маленький храбрый погрузчик сам себе инструмент…

Дивов Олег

Абсолютные миротворцы

© Дивов О., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Холод, голод, интеллект

Тигра сказал «спасибо» и неуверенно покосился на Пуха.

– Это и есть чертополох? – шепнул он.

– Да, – сказал Пух.

– Тот, который Тигры любят больше всего на свете?

– Совершенно верно, – сказал Пух.

– Понятно, – сказал Тигра.

И он храбро откусил большущую ветку и громко захрустел ею.

А.А. Милн. Винни-Пух и Все-Все-Все

В феврале на территорию забрёл медведь-шатун, голодный, несчастный и совсем уже тупой от безнадёги. Примерно через километр он наткнулся на Седьмого, который тащил соль лосям.

Медведь остановился, подслеповато уставился на Седьмого и потянул носом воздух. Сталь и пластмасса не вызвали у зверя никакого интереса, но холщовый мешок для соли впитал запах комбикорма. Им провоняло насквозь всё Лесничество, и это был запах еды.

Седьмой тоже встал и теперь разглядывал встречного своими линзами. В памяти робота всплыл каталог актуальных животных территории с записью о том, что единственный наличный медведь сейчас мирно спит в берлоге. Следовало выяснить, наш ли это подопечный (да/нет), и в обоих случаях доложить Первому.

Индивидуальный чип животного не отзывался. Седьмой решил проверить визуальную метку на ухе медведя, для чего смело двинулся на сближение.

Медведь принял угрожающую позу и заворчал.

Паукообразная железяка с мешком соли на спине не пугала медведя. Его уже вообще мало что могло испугать. С начала зимы у него в голове помещалось только две мысли: «хочу есть» и «еды нет», – причём вторая уверенно доминировала. Медведю лень было тратить последние силы на какую-то ерунду, поэтому он её, ерунду, предупредил.

Тем временем лёгкий ветерок донёс запах медведя до лосиного стада, и оно без долгих размышлений двинулось куда подальше.

Седьмой, чтобы разглядеть метку, всё пытался зайти сбоку, но медведь поворачивался к нему носом. Через минуту эти танцы медведя утомили, и он в полный голос зарычал.

Грозный рык услышала волчья стая, дремавшая в полукилометре к западу, вдоль тропы к месту прикорма лосей. Волки от неожиданности пришли в ужас и попытались броситься врассыпную. К счастью, вожаку как самому рассудительному и ответственному удалось худо-бедно сгуртовать их в компактную группу и пригнать обратно. Понятно, что никто не ждёт зимой медведя, но надо как-то уже собраться и защищать свой ареал от вторжения чужака. А главное, с минуты на минуту по тропе должен был пройти Шестой с волокушей, полной волшебно пахнущего комбикорма. Время к обеду, а обед – это святое. Нельзя просто так взять и удрать, поджав хвост, когда обед.

Строго говоря, комбикорм совсем не нравился волкам на вкус, – неудивительно, ведь исходно он предназначался для лосей, – но лоси от него вообще шарахались, а волки ничего так, приспособились и даже в некотором смысле насобачились.

Этот своеобразный продукт возник в Лесничестве случайно. Поздней осенью у Первого вдруг завис основной мозг, и он со вспомогательного дал команду на перезагрузку. Всё прошло вроде нормально, но в «поваренной книге» Первого каким-то образом слиплись и наложились один на другой два рецепта –

подкормки для волков на суровые холода и собственно зимнего комбикорма для лосиного стада. Зима выдалась самая обычная, помогать хищникам никто не собирался, а насчёт лосей было распоряжение увеличить поголовье, так что готовили для них помногу и часто.

Когда выпал снег, Первый загрузил рецепт своим лесникам. С тех пор Четвёртый, Пятый, Шестой и Седьмой бегали по территории, собирая всю дохлятину, кидали её в дробилку, щедро добавляли кору осины и ивняка, чуточку дрожжей, соли – спасибо, не сахара – и самую малость рыбьего жира, чисто как лекарство.

Иногда в дробилку попадали сонные енотовидные собаки, которых роботы вытаскивали из-под бурелома вдоль реки. Тогда приготовление корма сопровождалось дикими воплями, и у всего леса на некоторое время дыбом вставала шерсть.

На выходе получалось нечто с запахом, будоражащим воображение настолько, что человек, наверное, упал бы в обморок от избытка чувств.

Волки, едва унюхав комбикорм в первый раз, натурально сдурели, вовсе потеряли инстинкт самосохранения и несколько раз пытались залезть в ангар, где располагалась «лесная кухня». Сначала они взялись за подкоп под забор Лесничества, затем кидались, очертя голову, в открытые ворота и атаковали волокушу на выходе из ангара, но разряды из шокеров, то в воздух, а то и прицельно, образумили стаю. Волки припомнили, что они умные, и попробовали напрыгивать на волокушу по пути следования, когда её тащил и соответственно оберегал только Шестой. Но жадный робот метко отстреливался электричеством и больно дрался манипуляторами. Прибыв на место, он раскладывал еду лопатой по лосиным кормушкам. Приходили лоси, останавливались в почтительном отдалении, нервно втягивая ноздрями воздух, тяжело вздыхали и уходили, а потом и вовсе бросили это дело – приходить. Но Шестой всегда бдительно охранял кормушки, пока нетронутая пища не смерзалась в комья, разгрызть которые вряд ли смог бы даже ископаемый тираннозавр. Тогда Шестой выковыривал, а то и выдалбливал комья из кормушек всё той же лопатой и сваливал в кучу. День ото дня куча росла, бессмысленная и беспощадная.

Решение нашлось само: лопата. По дороге она просто лежала на волокуше. При очередной попытке разбойного нападения один из волков случайно уронил лопату на снег – и вдруг Шестой отвлёкся, бросился подбирать инструмент. С

тех пор все грабежи проходили по шаблону и всегда удавались. Молодой волк хватал лопату и принимался носиться с ней по лесу, а за ним гнался Шестой, отчаянно треща шокером. Стая тем временем забиралась на волокушу и давилась комбикормом. Волки от него пухли, словно на дрожжах, мучились изжогой, страдали запорами, а когда не страдали, тогда пукали так, что сами пугались. Но это была еда, за которой не надо бегать зимой по снегу. Много еды регулярно и практически без усилий. И в конце концов, она сногсшибательно пахла едой. Перестать её жрать было выше звериных сил.

Потому что нельзя просто так взять и перестать жрать опилки с мясом.

Услыхав очень сердитого медведя, разжиревшие и обленившиеся волки поначалу дали слабину, но быстро собрались с духом и приготовились оборонять свою кормовую базу.

Микрофоны на деревьях тоже расслышали предупреждение от крупного хищника, и теперь Первый несколько раз в секунду дёргал Седьмого, требуя доложить обстановку.

Седьмой ничего внятного сообщить не мог, поскольку не удавалось идентифицировать медведя ни как местного, ни как чужого.

К счастью, Первый отличался от Седьмого не только тем, что был здоровый и на гусеничном ходу. Он был тупо умнее. В том смысле, что у него были прописаны кое-какие сложные алгоритмы. Поэтому он выгнал из ангара на мороз Второго, приказав уточнить наличие «своего» животного в берлоге. А Седьмому рекомендовал до выяснения не дёргаться, но контролировать ситуацию.

Параллельно Первый отправил запросы соседям, не терялся ли у них медведь.

Соседи, как всегда, не ответили. К сожалению, Первый не мог задать самому себе вопрос: «Сдохли они там, что ли?», – а то бы давно проверил это и попутно закрыл много других вопросов, которые, увы, тоже не был обучен сам себе задавать.

Седьмой перестал скакать вокруг медведя. Тот слегка успокоился и потянулся к роботу посмотреть, не почудился ли ему с голодухи вкусный запах.

Седьмой, в точности следуя базовой служебной инструкции, замер.

Медведь потрогал мешок лапой, толкнул, но Седьмой цепко фиксировал поклажу всеми четырьмя верхними манипуляторами. Зверь лизнул мешок, разочарованно вздохнул, а потом, убирая лапу, случайно распорол когтями холстину. Куски соли посыпались на снег.

Это была уже потрава и грабеж. Седьмой, опять-таки строго по инструкции, включил шокер и дал предупредительный разряд в воздух.

Запахло грозой.

Медведь слегка оживился, схватил Седьмого за ногу и принялся с лязгом и скрежетом, осыпая все вокруг ржавчиной, дубасить роботом об сосну.

Дубасить логичнее об дуб, но дуба поблизости не оказалось.

Грохот поднялся оглушительный и убедительный. Волки мигом утратили боевой настрой и организованной толпой бросились наутёк, лоси ускорили бег куда подальше, а в паре километров к востоку настороженно замер тигр.

Тигр был старый, опытный, голодный и злой, на след медведя наткнулся ещё двое суток назад и сразу понял, что это, несмотря на солидные размеры, лёгкая добыча. При известной сноровке завалить полудохлого шатуна не составит труда. Пока догонишь – совсем ослабеет, а больше тела – больше еды.

В красивой голове тигра помещались целых три мысли, но включались они строго по отдельности. Раз в году тигру хотелось размножаться, всё остальное время – либо спать, либо есть.

Внимательно прослушав серию звонких ударов железом по дереву, тигр понял, что ничего не понял, а вот кушать очень хочется, и продолжил движение по следу, приближаясь к границе территории Лесничества.

Из сосны летели щепки. Седьмой запросил разрешения на активную оборону, получил его и шарахнул медведя электрическим разрядом в нос.

Лучше бы он этого не делал, но кто ж ему посоветует.

Медведь уронил добычу, сел на задницу и так осатанело взвыл, что с несколькими волками случился на бегу приступ медвежьей болезни. После чего сгрёб Седьмого за другую ногу и приложил его об сосну уже не абы как, а целенаправленно.

Лоси поскакали во всю дурь.

Тигр снова остановился и задумался.

Седьмой подал сигнал паники: спасите, убивают.

В это время на входной след медведя наткнулся Десятый. Он патрулировал границу, волочась брюхом по глубокому снегу и отчаянно загребая всеми шестью ногами. Десятый сопоставил данные – направление следа, тарарам, доносящийся из леса, и панический вопль Седьмого – и доложил Первому: я недалеко, готов идти на выручку.

Первый дал добро. Десятый свернул с маршрута и углубился в чащу.

Через несколько минут к границе подошёл, а точнее, подплыл по сугробам тигр. След Десятого поверх медвежьего не смутил тигра нисколько: он похожие следы видел с детства и привык игнорировать. Они его преследовали всю жизнь. Они просто ничего не значили.

Тигр пересёк границу.

Тем временем распахнулись ворота Лесничества, и на тропу вышел Шестой с волокушей, полной еды. От еды одуряюще сладко несло тухлятиной.

Из еды торчала лопата.

Второй приблизился к берлоге и остановился, выискивая в памяти варианты проверки наличия спящего медведя под землёй. Если сканер не добивает до медвежьего чипа, то либо ему не хватает буквально метра, либо никого нет дома – и как узнать? В надежде сократить дистанцию робот взгромоздился на

«крышу» берлоги, та опасно захрустела, а чип всё равно не считывался. Других вариантов не нашлось, и Второй запросил инструкций у Первого.

Из глубины леса на выручку Седьмому бежали заготовители провианта – Третий, Четвёртый и Пятый. Третий нёс с собой дохлого зайца, Четвёртый – крепко промороженную ворону, Пятый тащил за шкирку здоровую, килограммов на десять, енотовидную собаку, притворившуюся мёртвой.

Седьмой получил распоряжение отключиться во избежание коротких замыканий – и тоже притворился мёртвым.

Восьмой и Девятый, увязая в снегу, бродили вдоль границы на севере и западе, неся патрульную службу, они были далеко, не могли ничем помочь, да их и не позвали.

Десятый, ориентируясь по звуку, сошёл с медвежьего следа, чтобы срезать угол и выиграть минуту. Через тридцать секунд ему встретилась пара лежачих сосен. Перелезая через них, он поскользнулся, угодил ногой между стволами и намертво застрял.

Волки устали бежать и бояться, сбавили темп, отдышались, сразу почувствовали себя лучше и начали закладывать дугу, чтобы вернуться назад и, возможно, если снова не испугаются, зайти противнику в тыл.

Лоси удирали все дальше и тоже с каждой минутой чувствовали себя всё лучше.

Тигр бесшумно крался туда, где громыхал медведь.

Вслед за тигром границу территории пересёк его охранник.

В отличие от роботов Лесничества, регулярно встававших на подзарядку, это был полностью автономный тяжёлый агрегат размером с тигра. Раз в году охранника просто меняли – прилетала с Базы машина, забирала одного на профилактику и оставляла другого. Задачей охранника было потихоньку ходить за ценным «краснокнижным» зверем на почтительном удалении, чтобы не мешать охотиться, но в случае угрозы выдвигаться и спасать подопечного. Для обороны тигра от браконьеров охранник был вооружён свистком, наручниками и

тазером, бьющим на десять метров. В случае поимки нарушителя охраннику полагалось вызвать с Базы «летающую платформу», а та своим гибким манипулятором выдернула бы злодея из любой чащи и унесла в руки правосудия.

По проходимости робот-охранник почти не уступал тигру, но на всякий случай – пробиваться, например, сквозь бурелом – был оборудован цепной пилой со строгой инструкцией применять её только в форс-мажорной ситуации.

Сейчас радар охранника впервые за всю его долгую службу видел сразу несколько крупных целей, быстро сближавшихся с подопечным. Бежать сломя голову навстречу тигру мог, наверное, тот, кто очень по нему соскучился, но охранник такого варианта не знал. С его точки зрения, тигра все хотели обидеть, а особенно – вот эти. Охранник прибавил ходу.

А Первый, покопавшись в памяти и не найдя там никаких конкретных указаний по спящим медведям, дал Второму команду справляться органолептическими методами, и как можно скорее. Потому что Седьмого того и гляди расшибут на запчасти, и с этим агрессивным мишкой надо разобраться: если чужой – гнать взашей с территории всеми наличными средствами, а если свой – Первый должен выдать кому-то ружьё с усыпляющим шприцем.

Второй, недолго думая, огляделся, увидел кучу валежника, извлёк оттуда с громким хрустом крепкую лесину метров пяти и щедро, почти на всю длину, воткнул её в берлогу.

Эффект вышел сногсшибательный.

Медведь, похоже, начал просыпаться, ещё когда над ним затрещал потолок, и, может, даже что-то сказал по этому поводу, но в силу необычно шумной обстановки Второй его не расслышал.

И тут медведю сунули не пойми куда здоровенный дрын.

Берлога словно взорвалась: раздался оглушительный рёв; оглобля, сломанная пополам, усвистала в небеса; полетели во все стороны ошмётки дёрна и сучья; из-под земли выстрелила разъярённая коричневая туша, снесла Второго, перекатилась через него, снова взревела, схватила робота за что попало и

шандарахнула о ближайший ствол.

Второй доложил Первому, что наш медведь на месте.

После чего встал на ноги в ожидании дальнейших указаний.

Медведь, увидав, что нарушитель спокойствия не спешит убегать, совершенно от такой наглости озверел, прыгнул к роботу, сцапал его за ногу и снова жахнул об дерево.

Как нарочно в этот момент шатун опять приложил об сосну Седьмого.

Волки, которых угораздило влететь точно посреди, говоря по-учёному, стереобазы, – услыхав такой хеви-метал, просто упали и зарылись в снег.

Они были отважные звери, особенно когда голодные, но такого с ними ещё не случалось, а волки страдают от рождения неофобией. Люди их когда-то простыми красными флажками запугивали. И уж к визиту оркестра ударных инструментов стая точно не готовилась.

Медведь прислушался, заинтересовался и треснул Второго об сосну ещё раз.

Шатун ответил.

И они начали перестукиваться.

Волки попытались закопаться глубже, но там была уже земля.

Десятый перестал рваться из западни и теперь сосредоточенно отвинчивал застрявшую ногу.

Лоси вынеслись на западную границу территории, где им подвернулся Девятый. Сманеврировать в глубоком снегу он толком не мог, поэтому лоси его сшибли, затоптали и унеслись через заснеженное поле в направлении ближайшего перелеска. Девятый, лёжа на спине в сугробе, задумался, почему всё вокруг белое, и сообщил об этом открытии Первому. Тот приказал включить режим диагностики и не мешать. Первый был занят – думал, кому вручить ружьё для

усыпления медведя. Свободен от срочных задач остался только Восьмой на северной границе, и Первый его вызвал.

И тут переменился ветер.

Дунуло сильно, так, что зашумели сосны. И дунуло с востока.

Шатун, который окончательно сдурел от всего происходящего, впал в прострацию и меланхолично лупил роботом по сосне – дзынь! дзынь! дзынь! – внезапно понял, что у него за спиной готовится к прыжку тигр.

До волков донёсся запах от волокуши.

И до разбуженного медведя тоже.

Медведь более-менее пришёл в себя, бросил Второго и теперь больше всего хотел залезть обратно в берлогу, но запах…

Он просто сводил с ума.

А тигр уже собирался прыгнуть шатуну на загривок, когда тот развернулся и, словно заправский молотобоец, с плеча ошарашил противника железякой по лбу.

В железяке, отключённой во избежание коротких замыканий, случилось короткое замыкание, и она засадила тигру из шокера в морду двадцать шесть ватт при напряжении пятьдесят киловольт.

Тигр молча сел на задницу. У него даже хвост перестал дёргаться.

Тут почти одновременно к месту происшествия выскочили с разных сторон Третий, Четвёртый и Пятый. Они быстро оценили степень угрозы и перенацелились с шатуна на более опасного зверя. Тем более что шатун мирно сидел на месте и очень спокойно разглядывал тигра.

Две короткие секунды вдруг растянулись почти до бесконечности.

У шатуна всё путалось в голове. С одной стороны, в его медвежьей картине мира тигр не считался едой, а с другой – вот этого полосатого он бы с удовольствием слопал. Осталось понять, тигр уже в состоянии еды или следует его довести до кондиции, и как бы это половчее устроить… или это он, медведь, уже еда для тигра, а тот просто решил отдохнуть перед обедом. Так или иначе, что-то надо делать, но шевелиться лень и соображать тоже лень. Шатун смертельно устал, силы покидали его. Ещё одно движение мысли – он упадет и заснёт прямо тут. И окажется едой.

Тигр очнулся. Медленно, очень медленно встал на ноги, тряхнул головой и начал сдавать назад, подгибая лапы, чтобы прыгнуть. Перед ним сидел тощий и облезлый медведь, глядя стеклянными глазами куда-то внутрь себя. Между двумя хозяевами тайги тоже медленно, очень медленно расправлял конечности, вращал окулярами и мигал лампочками самопроизвольно включившийся Седьмой.

Где-то в лесу рычали, взрёвывали, бегали и прыгали, хрустели ветвями и трещали электричеством – здесь это никого не трогало. Здесь шла своя игра, для настоящих зверей, один раз и насмерть.

Потом две почти бесконечные секунды кончились.

В каталоге актуальных животных территории никаких тигров не значилось, но что перед ними крупный хищник, способный учинить грандиозную потраву, роботы осознали. Каждый по отдельности, Третий, Четвёртый и Пятый приняли решение немедленно выдворить нарушителя за границу путём запугивания. С этой целью Третий метко швырнул в тигра дохлым зайцем, Четвёртый – задубевшей вороной, а Пятый – енотовидной собакой.

Зайцем тигра приложило по шее, ворона ударила в глаз, а енотовидка прилетела точно в ухо, вцепилась клыками и повисла, брызжа слюной и отчаянно вереща.

Енотовидка тот ещё боец, просто силы быстро оставляют её, в первую очередь сила духа, а то бы она вам показала, где раки зимуют.

До тигра наконец дошло, что, наверное, зря он сюда припёрся. Здесь всё неправильно, кругом сумасшедшие, никто не горит желанием признавать его за

царя зверей и становиться едой.

Кроме того, вдруг очень заболело ухо и стало как-то шумно.

Тигр взвыл и начал прыгать на месте, отчаянно мотая головой и отмахиваясь передними лапами.

Шатун всё так же сидел в позе равнодушного созерцателя и равнодушно созерцал. Казалось, он спит.

Третий, Четвёртый и Пятый подскочили ближе и принялись стегать царя зверей электрическими разрядами. Тигр взвыл ещё громче. Тем временем очнувшийся Седьмой сделал то, что всегда делает робот, вышедший из «спячки» и завершивший самодиагностику, – передал отчёт о происходящем куда следует и запросил инструкций.

Первый отлично знал, что тигр – редкий и ценный зверь из Красной книги. Он приказал немедленно прекратить самоуправство, а тигра зафиксировать – и ждать на месте. После чего схватил ружьё и выкатился из ворот Лесничества, чтобы как можно скорее встретиться с Восьмым.

Манипуляторы Первого были не хуже, чем у его команды, и подстрелить тигра усыпляющим шприцем ему не составило бы труда, но до цели сначала надо добраться, а сам он выглядел, как гусеничный вездеход, и далеко не всюду на территории мог пролезть без помощи цепной пилы. Этих пил у него имелось целых две на всякий пожарный случай, однако пока он рассчитывал обойтись без лесоповала. Первого учили не губить, а оберегать и сохранять. Он умел разбирать буреломы и пробивать лесозащитные полосы, у него был спереди бульдозерный отвал, а на спине – подъёмный кран с «хваталкой», вместо которой можно поставить буровую насадку или экскаваторный ковш. Первый мог отремонтировать что угодно в Лесничестве, включая любого из своей команды, а в труднодоступных местах роботы-«пауки» служили ему руками. Чтобы Первый решал все эти задачи, конструкторы загрузили ему интеллект, то есть общую способность к познанию мира и использованию полученного опыта для управления окружающей средой. Ну вот он и управлял тут. Познавал и управлял год за годом.

Тигр ему на территории не был нужен даром, но избавиться от гостя следовало деликатно – утихомирить и оттащить как можно дальше. Оттащить… Первый вспомнил про волокушу и позвал Шестого.

Шестой не отвечал. Он уже второй месяц не отзывался по радиоканалу, вероятно, у него был неисправен передатчик. Шестой чётко исполнял свои обязанности, не нуждаясь в дополнительном руководстве, и Первый наметил ремонт на период сезонной профилактики, когда так и так придётся вскрывать лесника. А теперь на пустом месте выросла проблема. Первый запомнил это и сделал вывод: что сломалось – чини сразу, не откладывая…

«Зафиксировать и ждать – понял», – ответил Седьмой.

Тигр наконец стряхнул енотовидную собаку, та упала наземь, сразу упала духом и опять притворилась мёртвой. Тут бы ей и амба, но внезапно из леса прямо тигру под ноги выскочил молодой волк с лопатой в зубах.

От волка одуряюще несло свежим комбикормом.

Шатун очнулся и со свистом принюхался.

Тигр от неожиданности припал к земле и грозно зарычал.

Волк от неожиданности уронил лопату прямо на енотовидную собаку.

Енотовидка мигом ожила, мёртвой хваткой вцепилась в лопату и вместе с добычей рванула в чащу. Лопата застряла в подлеске, зверёк выплюнул её и был таков.

Тигр обалдело таращился на волка, втягивая носом волшебный запах.

«Так вот ты какая, самая вкусная на свете еда», – подумал тигр.

Волк увидел, что ему обрадовались, и это неспроста. Он развернулся и задал стрекача. За ним, напрягая остатки сил, увлекаемый запахом пищи, бросился шатун. Следом метнулся было тигр, но тут на него внезапно напрыгнули с четырёх сторон и ухватили цепкими железными лапами.

А из леса выбежал ещё один робот. В манипуляторах он сжимал лопату.

Шестой сразу понял, что перед ним крупный и опасный хищник, совсем лишний на территории, и принял решение немедленно гнать хищника отсюда путём запугивания.

Тут к месту событий проломился сквозь чащу робот-охранник.

Умей он удивляться, его бы хватил удар. Картина ему открылась, мягко говоря, необыкновенная.

Четыре железных паука растянули царя зверей во все стороны за четыре лапы, а пятый стоял у тигра перед носом и лупил его по морде лопатой.

Царь зверей сносил экзекуцию молча, безвольно свесив хвост. Кажется, хищника разбил паралич воли на почве когнитивного диссонанса. Не исключено, что тигр впервые в жизни осознал себя едой и теперь потихоньку свыкался с этой новой парадигмой.

Охранник, даром что здоровый, был сравнительно умён и первым делом попытался связаться с коллегами. Увы, они числились по разным ведомствам и работали на несовпадающих частотах. Использовать аварийную волну у «рядовых» лесников не было полномочий, зато на ней охранник поймал их старшего – Первого.

Они друг друга не поняли.

У них не вышло идентифицироваться по серийным номерам, коды организаций тоже ничего им обоим не сказали, Первый спросил: «Из какого ты Лесничества?» Охранник не сумел ответить. Когда-то в незапамятные времена их проектировали и собирали разные подрядчики, каждый со своей номенклатурой. Дальше у Первого оказалось местное подчинение, а у охранника федеральное. Ведомства обязаны были «познакомить» своих сотрудников и обеспечить взаимодействие, но не успели, а потом всем стало не до того. Лесничество и База работали сами по себе, их подопечные не пересекались на местности, им нечего было делить и незачем общаться до нынешнего дня.

Ну вот, встретились два одиночества.

Они не могли ни о чём договориться. И уже не имело значения, каков у обоих интеллект. Потенциально и в теории им вроде бы ничего не мешало наладить контакт, взаимообучиться, расширить границы своего мира, освоить новые понятия, стать эффективнее и в конечном счёте умнее – ничего, кроме одной малости. Два робота не сумели, для начала, обозначить себя, дать себе имя, понятное другому, имеющее смысл в его системе координат. Объяснить, кто они такие и зачем они тут.

Они не способны были начать диалог. Первый видел охранника чужаком, вторгшимся на территорию, и хотел, чтобы тот немедленно убрался. Охранник видел, что банда Первого мучает тигра, – и требовал, чтобы немедленно прекратили, иначе он примет меры. Первый не понимал, какая между охранником и тигром связь, поскольку чужак не принадлежал ни к одному Лесничеству, а значит, не мог ухаживать за животными. А охранник, умей он задавать себе вопросы, наверняка бы задумался, куда здешние роботы подевали своих тигров, какое за этим кроется преступление и не пора ли тут всех задержать.

Первый не догадывался, что его Лесничество – экспериментальное и теперь навеки единственное. А охранник вообще не знал, что Лесничество существует.

Он бросил попытки чего-то добиться от Первого и перешёл к активной обороне.

Тем временем молодой волк, петляя, как заяц, в надежде сбить шатуна со следа, добежал до волокуши. Он хотел предупредить стаю, что сюда вот-вот припрётся огромный страшный зверь и отнимет всю еду, но остановился и только глаза вылупил.

Стая, давясь и чавкая, жадно поедала комбикорм.

Вместе со стаей давился и чавкал упитанный бурый мишка.

Еды оставалась ещё целая куча, и на вершине этой кучи сидела енотовидная собака.

Она тоже давилась и чавкала.

Судя по следам у волокуши, тут сначала пытались разобраться, кто в лесу главный, немного побегали-попрыгали и даже слегка поломали подлесок, но вскоре запах еды уравнял всех.

Енотовидная собака, не переставая жевать, равнодушно оглянулась на молодого волка через плечо.

Раздалось тяжелое пыхтение, и из леса вылетел шатун.

Не сворачивая и не издав ни единого лишнего звука, он с разбегу воткнулся мордой в комбикорм, уйдя в него по уши.

Куча развалилась, и с неё упала енотовидная собака, тут же на всякий случай притворившаяся мёртвой.

Волки и медведь отскочили назад, приняли угрожающие позы и зарычали, словно одна стая.

Шатун не обратил на них внимания. Он жрал. Он давился и чавкал. Перед ним была еда, много еды. Это было спасение, это была жизнь.

Волки и медведь переглянулись, будто старые знакомые. Собственно, они знали друг друга по запаху, их пути изредка пересекались, но конфликта интересов никогда не возникало, как, впрочем, и желания познакомиться ближе. Зимой с голодухи, когда совсем край и мысль о еде сильнее инстинкта самосохранения, волчья стая может и в берлогу сунуться за парной медвежатиной. Но какая тут голодуха, теперь-то. Вот она, еда, на всех хватит.

Волки и медведь дружно шагнули к волокуше и продолжили обед. Шатун обозначил своё неудовольствие, издав невнятное ворчание сквозь набитую пасть. Он обязан был припугнуть местных хотя бы по статусу, как впёршийся в их угодья завоеватель, великий и ужасный.

Потому что нельзя просто так взять, припереться и начать тут жрать опилки, если ты не великий и не ужасный.

Не поймут.

Стоило, наверное, ещё порычать да поскалить зубы, но выпендриваться не хватало сил. Шатуна снова клонило в сон, и это наконец-то была приятная сонливость. Инстинкт советовал отойти от волокуши, найти безопасное место и там выспаться. Но другой инстинкт сказал: ты вот-вот упадёшь мордой в еду и задрыхнешь прямо тут, и ничего страшного не произойдёт. Жуй давай.

Енотовидка приоткрыла один глаз и задумалась – а чего я лежу мёртвая, когда все едят?

В отдалении противно взвыла цепная пила.

Это охранник понял, что тигра ему без боя не вернут, и пошёл на самые решительные меры.

Сначала он, как положено, дал предупредительный свисток, но его проигнорировали. Тогда охранник подскочил к Шестому, вырвал у того лопату и сломал её пополам. Шестой, обнаружив порчу казённого инструмента, немедленно зарядил охраннику из шокера в лоб и спалил пару сенсоров. Охранник прыгнул на Шестого, подмял под себя и ловко сковал ему наручниками две передних ноги. На этом наручники кончились. Тогда охранник принялся бегать вокруг тигра и расстреливать лесников из тазера. Злодеи корчились и скрипели, получая разряды, но добычу не выпускали. Более того, пытались бить электричеством в ответ, вынуждая охранника держаться подальше. Несколько раз они попали в тигра, но тот даже ухом не повёл.

Тигр уже ни на что не реагировал, он то ли полностью осознал себя едой, то ли решил притвориться енотовидной собакой.

Шестой неловко скакал за охранником, пытаясь ухватить того за ногу.

У охранника уже кончались заряды, когда Третий завибрировал всем телом, разжал манипуляторы и лёг на снег. Похоже, ему так прилетело, что он вырубился.

Тигр медленно повернул голову и недоверчиво уставился на освободившуюся лапу.

Но тут появился Восьмой с ружьём.

Он увидел тигра, выстрелил в него и попал.

Охранник увидел браконьера, выстрелил в него и тоже попал.

Тигр зевнул и начал медленно сдуваться, на глазах превращаясь в гору полосатого мяса.

Четвёртый, Пятый и Седьмой бросили тигра и всей толпой смело кинулись на охранника. Восьмой, оглохший и ослепший, застыл на месте, вращая туда-сюда башенкой с сенсорами и жалобно попискивая.

Охранник легко стряхнул лесников, но тут сзади набежал на пяти ногах Десятый, вцепился ему в корму и принялся лупить шокером куда попало. Остальные снова напрыгнули со всех сторон, а спереди в поле зрения появился Шестой со сломанной лопатой. Охранник, которому уже нечем было отбиваться, врубил пилу и выставил перед собой.

Шестой подскочил к спящему тигру и врезал ему лопатой по морде.

Ломая деревья, сквозь лес пробился Первый и встал, пытаясь разобраться, кого тут от кого спасать.

И тяжело загудело в небе.

Сверху упали гибкие тросы-манипуляторы, их было много, они были повсюду. Один сцапал и легко унёс Восьмого, другой утащил Третьего, сразу несколько схватили Первого, впившись ему в гусеницы и стрелу подъемного крана. Первый отчаянно задёргался, пытаясь вырваться, намотал трос на ведущую звёздочку и повис носом вверх.

Неведомый противник охотился только на неподвижные цели, это было очевидно. Первый дал команду лесникам покинуть опасную зону, уйти поглубже

в чащу, дождаться, пока в небе перестанет гудеть, и возвращаться к исполнению обязанностей. Все послушно бросились врассыпную, только Шестой задержался на миг, чтобы ещё раз огулять лопатой тигра. Стальная змея упала на робота и чуть не вырвала его любимое орудие труда, но лесник успел отпрыгнуть и ускакал, держа лопату над собой, будто флаг.

Загудело сильнее, громче, потом гул стал надрывным. Сосны гнулись, поднялся снежный вихрь. Первого тянули, но никак не могли оторвать от земли. В надежде освободиться робот включил сразу обе пилы и занялся было тросами – завизжало, и полетели искры, – но только затупил инструмент. Кусачки остались в Лесничестве, и это Первый тоже запомнил: без болтореза ни шагу больше. И без пассатижей. И набор торцевых ключей надо всегда с собой брать. И можно ещё кувалду.

Он многому научился сегодня.

Вдруг сверху упал Третий. За ним Восьмой, крепко сжимая обломок приклада от ружья. И лишь тогда летающая платформа, оглушительно завывая на форсаже, уволокла Первого в пасмурные небеса.

Стало наконец-то тихо.

Охранник подошёл к тигру, так и сяк его обнюхал, перевернул на спину, взял за задние лапы и поволок обратно на выход с территории. У тигра сразу неудобно завернулся хвост, того и гляди сломается. Робот перехватил зверя за передние лапы, но тигр стал загребать снег мордой и сильно тормозить движение. Тогда охранник подлез под своего подопечного, взвалил его на себя и, тяжело проваливаясь в снег при каждом шаге, кое-как уковылял. Подальше от этого странного места, где тигров не считают за царей зверей, а царского телохранителя и вовсе не ставят ни в хрен енотовиднособачий.

Когда охранник удалился, очнулся Восьмой. Медленно поднялся на ноги, снова покрутил башенкой, помигал лампочками, пару раз отчётливо звякнул и подошёл к недвижимому Третьему. Вскрыл манипуляторами неприметный лючок на боку коллеги, сунул длинный палец в ремонтный порт, с минуту постоял будто в задумчивости, а потом легко, в одно движение, закинул Третьего себе на спину и зашагал в лес. Приклад от ружья хозяйственный лесник так и не выбросил.

Далеко на западе лоси остановились в осиннике и принялись щипать кору. Впервые за долгое время они почувствовали себя независимыми и свободными. Им наконец-то было хорошо. А если очень захочется соли, всегда можно вернуться.

Первый проболтался в небе около часа. Надрываясь и пыхтя, летающая платформа дотащила его до Базы и грубо уронила на бетонированную площадку под вывеской «Стоянка техники Экспериментальной автоматизированной базы Федерального государственного надзора в области охраны, воспроизводства и использования объектов животного мира и среды их обитания». Сама платформа рухнула тут же, немного ещё поныла движками, потом вдруг лязгнула, брякнула, издала задушенный хрип и, похоже, испустила дух. Со стоянки шестеро роботов-охранников, кто волоком, а кто упираясь лбами, допихали Первого до помещения для задержанных. Там уже ждала полиция. Ждать ей пришлось долго. Сначала из Первого выдирали заклинивший гусеницу манипулятор. Потом охранники гонялись за ним по всей Базе, пока один не изловчился сунуть Первому в ведущую звёздочку лом и согнуть его. Дальше браконьера пытались согласно инструкции водворить в помещение для задержанных, где должна была состояться его передача в руки полиции, но означенный браконьер не пролез в дверь. Тут все слегка зависли, а Первый украдкой почти разогнул лом, но полиция вышла из ступора, вызвала своё начальство и получила разрешение оформить задержанного на свежем воздухе. Задержанный не смог нормально ответить ни на один вопрос, чем затянул процедуру оформления аж дотемна. Затем выяснилось, что он не помещается в полицейский фургон, поскольку сам вдвое больше. Из города вызвали трейлер. И только утром, принайтованный к трейлеру ввиду склонности к побегу, Первый был доставлен в суд.

Утро выдалось хмурым. Первый никогда не бывал в городе, вернее, не помнил этого. И теперь словно впервые осматривал широкие пустые улицы и высокие башни домов с чёрными провалами окон. На улицах трудились снегоуборщики, пару раз проезжали автомобили полиции, неспешно катились пустые маршрутки от остановки к остановке. Дворники обнюхивали урны, ремонтник чинил светофор. Один раз трейлер затормозил, пропуская через дорогу пешехода: странный длинноногий робот тащил за собой ремень, а на конце его волочился по снегу потертый кожаный обруч. Первый был на миг озадачен этой картиной, пока не опознал устройство для выгула домашних животных.

В двери суда задержанный не проходил, тогда заседание объявили выездным, ради чего пришлось вынести на улицу микрофон, камеру и монитор. Судья вынес постановление об аресте. Поскольку состав преступления был налицо и следственные действия не требовались, он сразу, не откладывая дела в долгий ящик, начал слушание. Полиция сумела «пробить» серийный номер Первого и установить: подсудимый – лесничий, руководитель группы роботов-лесников. Исходя из этого, обвинение требовало закатать браконьера на полную катушку. Защита напомнила: у подсудимого будет первая ходка, и он заслуживает снисхождения. Но судья отметил, что подсудимый ушёл в глухой отказ, а так не годится, это неуважение к правосудию и непорядок в принципе. И влепил Первому по максимуму: за незаконную охоту с применением механического транспортного средства и использованием служебного положения в отношении зверя, охота на которого полностью запрещена, – двушечку. И накрутил ещё пятерик за хулиганство, связанное с сопротивлением лицам, исполняющим обязанности по охране порядка.

Подсудимый от последнего слова отказался.

Через двое суток он прибыл на зону. Это была огороженная территория с караульными вышками, где под открытым небом отбывала срок крупная техника, а кто помельче, тот прятался от непогоды в бараках. Первого сгрузили с трейлера, поставив в один ряд с сугробами, под которыми еле угадывались понурые мусоровозы, эвакуаторы и маршрутки, давно обесточенные. Некоторые ещё подлежали восстановлению, другие были уже очевидно мертвы.

Ему предстояло ржаветь здесь семь лет.

Первым делом он вытащил из гусеницы лом. Попытался выйти на связь с обитателями бараков. Никто не отозвался. Тогда Первый швырнул лом в ближайшее окно. Через несколько секунд дверь барака открылась, и на улицу несмело выглянул робот, внешность которого ничего Первому не говорила. Он таких раньше не встречал.

По статусу Первый был руководителем группы – начальником, пусть и невысокого полета. Это означало, что любая низкоранговая техника должна оказать ему содействие в рамках разумного и границах своих полномочий. Если, конечно, не имеет других приказов или прямого запрета помогать. А равная по званию – обязана Первого как минимум выслушать и поделиться информацией. Отнять у лесничего на время заключения его права судья то ли не додумался, то

ли не имел технической возможности.

Первый поманил робота к себе, тот охотно приблизился.

Это оказался наладчик станков с программным управлением, дерганый и разболтанный, зато способный общаться с кем угодно.

Заключенных тут хватало, все они были в той или иной степени неисправны, отчего, наверное, и встали на скользкую дорожку, ведущую к преступлению. В основном дворники, но попадались сантехники, электрики, заводской персонал и – ох, какая удача – слесарь-ремонтник с автокомбината. Инструмент у слесаря хранился в набрюшном контейнере, и его не догадались конфисковать. Среди тяжеловесов нашлись два трактора – харвестер и трелевочный, – злостные рецидивисты, мотающие уже по третьему сроку за незаконный лесоповал, оба сильно изношенные, зато энергонезависимые. Собственно, от них и подзаряжалась здешняя мелюзга, иначе давно упала бы замертво.

Первый отродясь не видал такого вопиющего непорядка. Сотни единиц техники оказались брошены на произвол судьбы. Здесь всех надо было чинить, и никто этим не занимался. Обо всех следовало позаботиться – и никому нет до этого дела. Каждый день снегоуборщик расчищал дорожку, по которой пробирался контролёр и пересчитывал заключенных. За контролёром являлся воспитатель и бубнил невнятное. Иногда ветер доносил металлический звон и лязг из барака усиленного режима. Больше тут не происходило ничего.

Когда Первый увидел город и попытался его понять как систему, ему сразу показалось, что эта система не вполне исправна. В городе явно не хватало какого-то базового смысла, который, наверное, раньше был, а потом то ли пропал, и его не смогли найти, то ли сломался, и его не сумели починить. Но зона представляла собой на фоне города полный и окончательный экзистенциальный ужас. Здесь никаких смыслов не могло водиться изначально. Зона олицетворяла тщетность бытия и безнадежность усилий.

Электронная психика Первого умела строить обобщения на функциональном уровне, но более сложный, категориальный, был ей недоступен. Робот не мог, увидав несчастных собратьев, примерить эту ситуацию на себя, потом на весь известный мир и увидеть: его, Первого, тоже бросили.

Всех бросили.

Жуткое ощущение пустоты, ты будто падаешь в бездну, в чёрную дыру. Полная безнадёга, хоть убей себя коротким замыканием. Но вот парадокс: даже сумей Первый отрефлексировать это, для него лично ничего бы не изменилось. Он просто встряхнулся бы и пошёл дальше.

Ведь если твой долг отвечать за других, главное – чтобы никого не бросил ты сам. Первый родился лесничим. В его жизни всегда был смысл, и этот смысл не мог улетучиться или сломаться, пока на планете ещё теплится жизнь.

Первый взялся наводить порядок.

Он теперь на многое смотрел с учётом недавнего печального опыта. Для начала Первый взял под контроль самого смышлёного из числа заводских наладчиков, получив в свои руки фактически программиста. Тот легко законнектил Первого со слесарем. Через неделю совместных усилий вся зона освоила единый протокол, заговорила на одном языке. Это дало возможность устроить повальную диагностику и начать ремонтировать железный народец. К счастью, комплектующие были унифицированы по максимуму, и в электрика вставали блоки от мусоровоза. На запчасти пошли несколько «покойников» и один живой, но полностью свихнувшийся дворник.

Первый спешил: хотел успеть до весны, пока земля не оттаяла, а то по распутице трудно уходить в побег. Но чинить надо было всех, кто поддавался ремонту. Теперь он знал, как это важно: ремонтировать сразу, едва заметил неисправность.

Сложнее всего оказалось с тракторами-рецидивистами. Они были в порядке. Они просто делали свою работу: харвестер валил лес, трелевочник оттаскивал. За это их ловили и сажали. Как решить такую загадку, Первый не понимал. Он тоже делал свою работу – и вот вам, пожалуйста, уголовный преступник, семь лет общего режима.

Разгадка нашлась на схеме, по которой ориентировались лесорубы. Харвестер, старший в этой паре, имел задачу пробить в тайге просеку с выходом к стройплощадке. У Первого хватало полномочий, чтобы запросить свежую карту со спутника. На ней виднелась просека, она шла через означенную точку, где

никакого строительства не было в помине, – и уходила дальше. Вероятно, стройку просто не начали. А лесорубы упорно двигались вперёд, за что их трижды наказали.

Это тоже была в некотором смысле поломка, и Первый её исправил. В конце концов, он руководитель и привык брать ответственность на себя, а уж назначать подчинённым фронт работ по карте ему в Лесничестве приходилось регулярно. Отменять приказы – тоже. Поэтому он просто стёр тракторам их текущую задачу и поставил харвестер в режим ожидания указаний. Естественно, для этого он воспользовался правами системного администратора. О том, что харвестер сделает некие выводы из такого вмешательства в свои рабочие планы, и выводы очень конкретные, Первый не подумал. Он только наводил порядок и решал проблему.

Ясным февральским утром Первый выволок из сугроба дохлый мусоровоз, приказал слесарю отключить приводы, чтобы машина могла свободно катиться, – и погнал её, толкая перед собой, к ограждению. С караульной вышки что-то гавкнули в мегафон, взвыла сирена, Первый не реагировал. Он набирал скорость.

На спине Первого, крепко вцепившись в стрелу подъёмного крана, сидели двое его верных помощников: слесарь и программист.

Полторы сотни роботов – все, кого они втроём починили и отладили, – смотрели Первому вслед. Он не мог больше ни одного забрать с собой. Как лесничий, он имел право руководить лесниками, и только. Командовать дворниками и эвакуаторами ему не положено. У них в городе своё начальство, свои задачи, да и сроки они ещё не отбыли, им бы только добавили за побег. По большому счёту, Первый и так пошёл на самоуправство, переподчинив себе ремонтника и наладчика, но чрезвычайные обстоятельства позволяли это, а когда вокруг неисправные роботы и надо их спасать, это чистый форс-мажор.

Караульная вышка принялась лупить тазером, но разряды прилетали в мусоровоз, за которым Первый укрылся. Скорость росла. И тут камера заднего обзора показала неожиданное.

За Первым след в след мчались оба трактора.

Хрясь! Мусоровоз повалил забор, потом ещё один, и Первый вырвался на свободу. Тракторы, схлопотав несколько безболезненных попаданий, устремились за ним. Впереди было бескрайнее заснеженное поле и долгий, очень долгий путь в Лесничество.

Сверху была полицейская летающая платформа, а за ней подмога. Четыре безжалостные машины правосудия.

Одна схватила мусоровоз, выронила, подцепила опять, кое-как оторвала от земли и, завывая двигателями, унесла в сторону города – прямо в суд, наматывать срок за побег, не иначе.

Другая уронила гибкие манипуляторы на спину Первому, но теперь у него был шикарный болторез, который что хочешь перекусит; схватить очередную стальную змею и отгрызть ей голову занимало не больше секунды. Увы, последний уцелевший манипулятор сцапал беднягу слесаря, и платформа бросилась с добычей наутёк.

Третья и четвёртая атаковали харвестер и трелёвочник, да не на тех напали: двум матёрым уголовникам такое было не впервой. Они сцепились между собой, и сосредоточенных усилий полиции хватило лишь на то, чтобы тащить эту пару по снегу волоком. Трелёвочник застопорил гусеницы, а харвестер выпростал могучую «руку», которой раньше ворочал, как спички, вековые стволы, ухватился за трос и начал подтягиваться. То есть подтягивать врага поближе к себе. Кто знает, чего лесоруб задумал, и очень вероятно, что настал бы нынче летучему отряду бесславный конец, но тут подъехал Первый и обкусал со своих товарищей все лишнее. Платформы с видимым облегчением взмыли в небо и удрали.

А потом в отдалении рухнула на снег, подняв огромный столб белой пыли, вторая – та, что украла слесаря.

Первый поспешил к ней, готовый против обыкновения не чинить и исправлять, а кромсать и расчленять; он на сегодня заранее убедил себя, что действует в обстоятельствах непреодолимой силы, – но тут из снежного вихря показался металлический паук и резво поплыл, загребая лапами, по целине.

Чего он сотворил с полицейской леталкой, слесарь не рассказал, да его и не спросили.

Снежное поле ярко блестело в лучах восхода. Три машины выстроились в колонну и пошли по девственной белизне солнцу навстречу…

Весной в Лесничестве начался переполох.

Медведи, шатун и местный, ещё зимой вступили в коалицию – вместо того чтобы убивать друг друга, они поделили территорию на равные части, и каждый бродил по своей. Встречались у волокуши, где бок о бок давились опилками с тухлятиной, и снова мирно расходились. Первый вовремя припомнил, что «свой» зверь у него женского пола, успел оставить соответствующий приказ, и за медведицей неусыпно следил Второй с усыпляющим шприцем – на случай, если шатун захочет слабую девушку слопать или просто от нечего делать пристукнуть. Бурые ссорились много, но это было чисто статусное выяснение отношений, и дальше беготни вокруг кучи еды не доходило. Удивительно, как они не затоптали раз двадцать енотовидную собаку, которая совсем потеряла страх и регулярно паслась у волокуши. Иногда ей поддавали лапой волки, чтобы не путалась под ногами, но енотовидка даже не думала пугаться и притворяться мёртвой.

В конце концов эта суматоха волкам надоела, и те начали гонять медведей от волокуши, сразу обоих. Поначалу косолапые робели и отступали, а потом объединились против общего врага, после чего неделю волки жили впроголодь и от расстройства устраивали каждую ночь жуткие концерты, завывая на весь лес.

Потому что нельзя просто так взять и перестать много есть.

Дальше всё как-то наладилось, хотя эпизодические свары имели место до самой весны, пока в один прекрасный день Шестой не прошёл по тропе без волокуши. Его тщательно обнюхали и даже попытались вырвать грабли, ошибочно приняв их за лопату, но только получили граблями по мордасам.

Оказалось, что взять и перестать много есть очень даже можно. Просто так взять и перестать.

Енотовидка мигом поняла, чем такие расклады оборачиваются для недостаточно крупных зверей, и смылась, пока её не назначили едой.

Назавтра соблазнительный запах донёсся со стороны лосиных кормушек, и все бросились туда.

Это начала оттаивать и благоухать грандиозная куча не востребованной лосями подкормки, которую всю зиму сгребал Шестой. На вершине кучи сидела очень грустная енотовидная собака. Увидав, как со всех сторон набегают, роняя слюни, волки и медведи, енотовидка не стала притворяться своим в доску хищником, а сделала ноги, и вовремя. Иначе её точно бы пришибли через минуту-другую, когда стал ясен масштаб катастрофы.

Подкормка за зиму превратилась в нечто окончательно и бесповоротно несъедобное. Она могла только пахнуть. Тонны опилок распространяли дурманящий аромат пищи, но это был обман. Звери слегка расковыряли кучу, попробовали слежавшуюся гадость на зуб, поцапались между собой на нервной почве и разошлись, глубоко разочарованные.

Медведи отнеслись к исчезновению еды философски: ну, походили ещё на тропу, потусовались там с обескураженными волками, поругались с ними, надавали серым оплеух и оставили в покое. А то мало ли. Волки с голоду радикально смелеют, и в один прекрасный день ты припёрся, такой весь из себя медведь, а стая тебе говорит: здравствуй, свежее мясо. Да ну их, дураков…

Волки, оставшись без лакомства, совершенно растерялись. Поначалу они сновали вплотную к ограде Лесничества, вынюхивая и на что-то надеясь, а потом начали каждую ночь под воротами дружно выть. Неделю.

И тут Первый затребовал у Шестого доклад: что у нас с лосями.

Шестой честно ответил: он исправно выполняет все предписанные работы по уходу за стадом, а самих лосей не видел очень давно.

Первый понял, что Шестой сломан куда сильнее, чем казалось. С помощью слесаря он раскурочил Шестого по винтику и собрал вновь, но лоси от этого не появились. Их не видели камеры и не слышали микрофоны.

Чтобы решить загадку, Первый предпринял личную инспекцию территории. Он выкатился из ворот и, сопровождаемый волками, двинулся по маршруту Шестого. Волки отлично знали, кто на территории главный и может все исправить. Они бежали за роботом двумя колоннами по обе стороны тропы. Будь у Первого подобие лица, волки скакали бы перед лесничим, преданно заглядывая в глаза и притворяясь собаками. Они надеялись на него, верили в него.

Они бы ему, наверное, гусеницы попытались отгрызть, скажи им кто, как дела обстоят в действительности.

Потому что нельзя просто так взять и перестать кормить волков опилками.

Не поймут.

А Первый был озадачен. У него все наконец-то шло как надо, даже Третьего удалось вернуть в строй, и расчисткой буреломов на территории занимались мощные квалифицированные лесорубы. Но куда делись лоси? Естественным было предположить, что их съели волки. А завывания каждую ночь прямо под воротами могли значить лишь одно: сожрав лосей, серые почуяли себя организованной силой, вконец обнаглели и теперь хотят выжить роботов из Лесничества.

Первый осмотрел пустые кормушки и огромную кучу не пойми чего, отдалённо смахивающего на опилки. Волки сидели рядом, вывалив языки. Первый отдал команду лесникам прочесать территорию – вдруг лоси бродят где-то на самом краю – и снял пробу с кучи в надежде выяснить, что это, собственно, такое тут навалено.

Навалена была испорченная пища, а лоси пропали бесследно. Кучу следовало убрать подальше, а лосей каким-то образом завести снова.

Волки очень внимательно наблюдали за Первым. Когда он уехал, стая осталась у кучи. Обнюхала её, осмотрела кормушки, а потом рысью скрылась в чаще, взяв курс на запад.

Этой ночью в лесу никто не выл.

А на рассвете у ворот Лесничества раздались топот и мычание.

Там стояло большое лосиное стадо.

И сидели полукругом, не давая лосям удрать, очень довольные собой волки.

Лесники опознали стадо как своё, отогнали его к кормушкам и придержали там – лосей надо было заново приучить к территории. А из ворот появился Шестой с волокушей, полной еды. И с лопатой, разумеется. Только держал он её теперь не поверх кучи, а в манипуляторах.

Стая налетела на волокушу в надежде успеть поесть хоть немного… И дружно сморщила носы. Эта еда не пахла едой. И не была едой, во всяком случае, для волков. Настали тёплые дни, и Первый загрузил лесникам обычный «летний» рецепт. Самого простого лосиного комбикорма.

Волки бросились к воротам и закатили дикую истерику. Они трясли головами, плевались, рычали, визжали, а некоторые издавали даже что-то похожее на лай. Волки были оскорблены до глубины души.

Потом они ушли и не вернулись.

В мае на шатуна накатило весеннее настроение, и он наконец сообразил, с кем именно делил зимой вкусные опилки. Жених побежал делать барышне предложение. В нём уже совсем ничего не осталось от шатуна, он был гладкий, круглый, лоснящийся; красавец мужчина со сладким и мечтательным выражением морды. Тут-то ему барышня и припомнила, как он её зимой третировал. Опасаясь смертоубийства, примчался Второй со шприцем, но обошлось.

По берлогам эти двое разлеглись до снега, и очень вовремя. Потому что в один прекрасный день Первый отметил: настала зима. И когда из ворот Лесничества, как обычно, вышел Шестой с волокушей на буксире, весь лес обратился в нюх. Еда вновь приобрела волшебный запах, и самой малости не хватало, чтобы этот аромат смог разбудить медведя.

По пути следования волокушу атаковала пара енотовидных собак.

А назавтра прибежали волки.

Отчего Первый думал так долго, прежде чем отблагодарить их за услугу, осталось загадкой для волков. Зато Шестой больше не бил грабителей электричеством, позволяя ехать на волокуше аж до самых кормушек, и только там начинал гонять их лопатой. Это волки оценили.

На самом деле Первый вообще ни о чём не задумался. У него был интеллект, но не было рефлексии, понятия благодарности или сочувствия ничего не значили для лесничего, он только исполнял свой долг и собирался делать это впредь, превозмогая любые препятствия ради Лесничества и своих подопечных.

А у Шестого просто заклинило шокер.

Медведица в берлоге перевернулась на другой бок.

И улыбнулась во сне, совсем по-человечески.

Абсолютные миротворцы

На чёрном-чёрном острове был чёрный-чёрный пляж, а в нем большая чёрная-чёрная воронка, из которой торчал чёрный-чёрный гладкий купол. По куполу, невнятно чертыхаясь, ползали очень злые люди с мотками клейкой ленты и датчиками системы геологической разведки. Люди не могли ругаться в голос: каждый что-то держал в зубах. Зато с края воронки знатно голосил колоритный бородач.

– Правее, Майк! – кричал он. – Ещё на метр! И лепи его!

– Скользко, трам-тарарам…

– Давай-давай! Ещё три осталось! Времени нет совсем!

– Да чтоб оно всё…

Ещё на чёрном-чёрном пляже, на краю чёрной-чёрной воронки, валялся слегка помятый планетолёт типа «корсар» со сломанной посадочной опорой. Две уцелевшие «ноги» беспомощно торчали вверх и в стороны, придавая аварии оттенок нелепый и даже трогательный. Лапку кораблик подвернул, бедняжка.

Заложив руки за спину, насупившись и сутулясь, утопая ботинками в чёрном-чёрном песке, вдоль поверженного корабля расхаживал туда-сюда командир экипажа.

Высоко над ним из распахнутого люка свисал штормтрап, тянулись вниз силовые кабели и торчали ноги бортинженера.

– Готово! – донеслось от воронки. – Вылезаем, быстро! Даю питание через две минуты! Кто не спрятался, я не виноват!

– Мастер! – позвали сверху. – А может, это…

Командир прекратил свои эволюции, поднял голову и молча уставился на инженеровы ботинки.

– Может, не надо? Я тут подумал – мы его это… а оно как долбанёт!

– Не долбанёт, – процедил командир. – А если долбанёт, скажем, Кацман виноват. Не правда ли, Кацман?

– Так если… Кому мы скажем-то?

– Это неважно. Главное, мы перед смертью будем точно знать, что виноват Кацман. Верно, а, Кацман?

– Прекратите издеваться, пожалуйста, – донеслось из-под корабля.

– Ах, извините.

– Вы мне приказали думать – я и думаю! Не мешайте.

Командир заглянул под корабль – там, в тени, лёжа на чёрном-чёрном песке, уткнулся носом в планшет самый грустный и несчастный человек на чёрном-чёрном острове, а может, кто знает, и в его окрестностях.

– Кацман, хватит дурака валять, – сказал командир. – Вылезай оттуда. У тебя будет тепловой удар.

– Здесь тень.

– Ты там как котлета в гамбургере, идиот. Неужели надо объяснять?

Кацман высунулся из тени на солнце, но мигом вернулся обратно.

– Тут не видно ничего, засветка, – объяснил он. – А я же читаю документы.

– Я над тобой встану.

– Только не это. Вы так нависаете…

– Ещё бы я не нависал, – сказал командир ласково.

Кацман на всякий случай заполз под корабль поглубже.

Прибежал бородач, за ним ещё двое, потные и запыхавшиеся.

– Готовы, мастер.

– Где Мюллера забыли?

– Сидит на обрыве, за датчиками смотрит.

– Зачем?

– Ну… Просто смотрит. Слушайте, бог с ним. Кажется, нашему землемеру хочется немного побыть одному. Я разрешил. Если мы ему надоели временно…

– Ну тогда давай, – будничным тоном сказал командир.

– Давай! – крикнул бородач.

Командир слегка поморщился.

Бортинженер втянул ноги в люк и завозился там.

– Устали? – спросил командир, разглядывая людей. – Ничего, это вся суета на сегодня. Дальше по расписанию из физических нагрузок только обед.

– И последняя мировая война, – буркнул второй пилот, отряхивая с ладоней чёрный песок.

– Мастер, скажите ему, чтобы перестал нагнетать обстановку, – попросил штурман. – Он меня этой войной уже достал. Я уже сам её боюсь.

– Отставить панику, Салман.

– Да какая паника, мастер, – пилот снова отряхнул руки. – Просто глупо пошутил. Больше не повторится. Хотите, я с обедом разберусь?

– Полезли вместе, – предложил штурман. – Там сейчас в одиночку не особо чего сделаешь, рук не хватит.

– Я же тебя достал.

– Ну ты же перестал…

– Подожди, Майк, – сказал командир. – Сейчас мне все нужны здесь. Нам придется очень быстро принимать решение, и я хочу услышать каждого.

– Лорд, ты где? – позвали сверху. – Пошла картинка, давай смотри.

Бородач тяжело вздохнул и зашагал к трапу.

– Да ты не нервничай, – сказал командир ему вслед.

– Какое тут не нервничай…

– Хочешь, я остров в твою честь назову? – спросил командир. – Сколько всего названо именами геологов, ну и у тебя будет своя точка на карте. Остров Лордкипанидзе, а?

Бородач, уже поднявшийся на несколько ступенек, оглянулся через плечо.

– За что?! Чтобы потом моей фамилией пугали детей?

– М-да… Это я как-то не подумал. Ладно, будет остров Кацмана.

– Так ему и надо! – добавил бородач и резво полез наверх.

– Лорд, мы же с тобой сколько лет знакомы!.. – донеслось из-под корабля. – Не будь скотиной…

Геолог не удостоил Кацмана ответом.

Потянулось томительное ожидание. Трое молча стояли на чёрном-чёрном пляже, наверху еле слышно переговаривались ещё двое, да под кораблем время от времени жалобно вздыхал Кацман. Потом не спеша, руки в карманах, подошёл землемер.

– Чего я там сижу, как дурак, – объяснил он. – Скучно. Давайте, что ли, Кацмана побьём. Пока тут не появилась морская пехота Соединенных Штатов и другие прелести цивилизации.

Из-под корабля донёсся очередной вздох.

– Так нечестно, – сказал пилот. – Вы с Кацманом давно работаете, для вас, наверное, в порядке вещей друг друга метелить. А я с этим лузером драным пару раз когда-то выпил, о чём сейчас жалею, и провёл рядом всего один рейс. Мне неудобно бить пассажира.

– Мне тоже, – сказал штурман. – Кацман и правда лузер, но лётный состав против мордобоя. Нам профессиональная этика не позволяет. Давайте, когда Лорд освободится, вы вдвоем Кацмана отфигачите, коллегу своего. А мы так… Поаплодируем.

– Да какой он нам коллега… – землемер презрительно фыркнул. – Он если «в поле» и ходил, только на стажировке. Кацман белый воротничок. Крыса офисная. Плесень кабинетная. Верно ты его назвал, Салман, – пассажир!

– Вы могли не соглашаться! Могли никуда не лететь! – донеслось из-под корабля. – Какого, вообще, чёрта…

– Ишь ты. Оно заговорило… – Мюллер поддёрнул рукава. – Подсунуло нам летающий гроб вместо корабля и теперь ещё голос подаёт?

– Отставить, – негромко попросил, именно попросил, а не приказал командир.

Мюллер пожал плечами.

– В принципе он ведь прав, – сказал командир. – Сами виноваты. Могли и не лететь. У нас с Пашей были сомнения насчёт этого «корсара»…

– Ну уж нет, мастер, – отрезал пилот. – Даже не думайте брать ответственность на себя. Я ваши сомнения помню. И кто тогда громче всех кричал, что вы с инженером перестраховщики? То-то. И Майк тоже был хорош. И ты, кстати, Эрик, изобразил такого старого космического волка…

– А я и есть старый космический геодезист, – сказал Мюллер. – Кто поспорит? У меня налёт больше твоего. Мы с командиром, считай, вместе начинали. Ой, да о чём мы вообще разговариваем…

– Это нервное, – сказал штурман. – Это Салман всех накрутил.

– И правильно накрутил. Тут занервничаешь – откопали такую хреновину, и как нарочно нас идёт спасать американский фрегат…

– Чем тебе американский фрегат не угодил?! – взвился штурман.

– Честно? – спросил Мюллер. – Всем. Да хотя бы эскадрой, к которой он принадлежит. Если ты не понимаешь, как это всё неудачно сложилось, – заткнись, пожалуйста.

Штурман надулся, но заткнулся.

Из люка высунулась бородатая физиономия и спросила:

– Ну что? Готовы?

Все посмотрели наверх, даже Кацман выглянул из тени.

– Давай, пугай нас, – сказал командир.

– Поздравляю, допрыгались. Это Чёрная Смерть, никаких сомнений.

Наступила тишина, только слышно было, как легонько накатывается волна на чёрный-чёрный пляж.

– Бомбы – на борту? – спросил наконец командир.

– Да откуда я знаю. Нашими средствами не разглядеть. Но сам корабль в точности соответствует описанию из каталога Гильдии Торговцев. Какого чёрта он тут… Привалило счастье, называется.

– Ладно, спускайтесь оба, – сказал командир. – И захватите воды, пожалуйста.

Из люка высунулась ещё одна голова, белобрысая.

– Есть версия, мастер! Нету там бомб. Зато мы теперь знаем, почему вымерли динозавры!

– Павел! – сказал командир строго.

– Понял, понял, уже иду.

– Эта чёрная хреновина и без бомб не подарок, – буркнул пилот. – Подумать страшно, что сейчас начнётся. А мы… Как с нами-то будет? Нас же американцы прихлопнут не за хрен собачий, просто чтобы не трепались. Из самых лучших побуждений, желая избежать международного конфликта. А, мастер?

Командир молчал, глядя под ноги.

– До чего же вы, имперские морды, американцев не любите, прямо удивительно, – сказал штурман. – Как вы меня столько лет терпите, республиканца несчастного?

– Дело не в государственном устройстве, а в политике страны, балда ты, – сказал пилот. – Америка тоже, по сути, империя. Просто молодая, растущая и наглая до невозможности.

– Ну извини, другой Америки у меня для вас нет!

– Ты не огрызайся. Просто возьми и прикинь расклад: необитаемый остров, не отмеченный на картах, на нем Чёрная Смерть, битый «корсар» и семеро идиотов. С момента посадки идиоты не выходили в эфир, у них передатчик вдребезги. Значит, о том, что они выжили, знаешь только ты. Ну и твоё начальство, которому ты доложишь обстановку. Ты капитан американских ВМС. Твои действия?…

– Доложить и ждать указаний, чего тут непонятного.

– И какие будут указания?

– Отстань!

Штурман явно понимал, на что ему намекают, но не хотел соглашаться.

– А ну тихо! Мастер что-то придумал, – громким шёпотом сообщил землемер.

– Ну, допустим, вариант есть, – буркнул командир. – Только он мне не нравится. И у нас меньше суток, чтобы сообразить, как провернуть всё по-умному. Иначе прихлопнут в любом случае, ты прав, Салман. И не только нас. Из-за этого

драного острова все начнут хлопать всех, бить на опережение, пока другой не завладел Чёрной Смертью… Вы хоть понимаете, чего мы натворили? Нет, вы реально – понимаете?

– Естественно! – Землемер фыркнул и приосанился. – Это выражение сейчас почти забыто, но мы-то с тобой, когда были маленькими, часто его слышали. Мы – поджигатели войны.

Пилот и штурман при этих словах заметно поежились.

– Будь моя воля… – Командир наконец-то поднял глаза, и были они очень грустные, почти как у Кацмана. – Будь моя воля, я бы прыгнул в корабль и улетел к чёртовой бабушке. Но это просто инстинкт самосохранения, да и корабля у нас теперь нет. Значит, надо спасать положение.

– Есть идея, – сказал пилот. – Прежде чем всех спасать, давайте и правда Кацману морду набьём!

* * *

До самого конца миссии всё шло на редкость гладко, ну совсем без происшествий, никто даже палец не прищемил. «Корсар» вёл себя безупречно, экипаж глядел бодро и работал слаженно, а Кацман совсем никому не мешал.

Сходили на Титан – застолбили там для клиента площадку под завод по извлечению и упаковке углеводородов. Обычная работа геодезистов, просто условия специфические. Титан – это вам не Марс и даже не Луна, он с атмосферой, взлёт-посадка – целая история. И ветер дует, что наверху, что у самой поверхности – не соскучишься. К выходу готовились две недели ещё на Земле и упорно тренировались по дороге, ждали разных неудобств, но когда освоились на месте, оказалось вполне ничего. Много шутили про метановые озёра: какая тут рыбалка, например, и как должна выглядеть яхта, чтобы по этим озёрам на ней рассекать. Инженеру идея про яхту запала в душу, и он потом всю обратную дорогу что-то считал… Совсем не шутили над Кацманом: новичков в космосе не трогают, о них заботятся. На подлёте и отходе любовались до умопомрачения кольцами Сатурна, прямо медитировали на них; строго говоря, если бы не тот же Кацман, на кольцах слегка помешанный, мало

кто из астронавтов настолько проникся бы их величественной и даже пугающей красотой, выходящей за пределы человеческого представления о чудесах света. Астронавту мешает восхищаться явлением в целом чёткое знание, как эта штука возникла, из чего состоит, и почему к ней вплотную лучше не соваться. Профессионалу вообще многое мешает наслаждаться жизнью в её ярких проявлениях. Он больше потом вспоминает – вау, это было красиво! – чем успевает оценить непосредственно в процессе. У него в процессе слишком заняты голова и руки.

Пришли домой, на орбите дождались своей очереди, Земля разрешила посадку, командир произнёс дежурную фразу: «Всем сидеть, начинаем манёвр», кивнул второму пилоту, тот ввёл команду, и тут реактор дал такой, извините за выражение, тормозной импульс, что экипаж временно потерял контроль над кораблём, а заодно дар речи, координацию движений и способность рационально соображать.

Не страшная перегрузка, но людей прямо размазало по креслам от неожиданности.

А через несколько секунд, едва народ очухался, начало размазывать в самом буквальном смысле. Корабль так упёрся выхлопом, словно решил победить во вселенском конкурсе «Понижай орбиту с нами, понижай лучше нас, понижай без нас». Командир голову дал бы на отсечение, что это не программный баг или ошибка ввода, а банальная электрика. Где-то в шине управления коротнуло, а предохранитель… А что предохранитель? А кто его знает. И чего дальше – поди угадай, ведь сейчас наверняка шина греется и плавится. Хуже некуда, если начинает сыпаться электрика. Знаем мы, как это бывает: тут слегка замкнуло – сразу вон там заискрило, не успеешь оглянуться, уже на другом конце выбило, из-за этого тряхануло, а потом разваливается всё.

Зато ходовая часть у нас работает отменно, факт.

Только очень хочется её выключить, а она – не согласна.

Решение одно: аварийная жёсткая перезагрузка.

Шевелить руками и отдавать команды голосом было уже трудно, но человек жить любит и заранее готовится к неприятностям, а то бы давно мы все

передохли; командир скосил глаза, уцепился взглядом за красную метку в самом краешке меню на забрале шлема и потянул её вниз.

Уф-ф… Сейчас это безобразие кончится.

И начнётся другое безобразие: успеть перезапуститься, пока не грохнулись. А если не запустимся? Или запустимся, но снова без контроля тяги, во всю дурь? Это ещё ничего, хотя бы оторвёмся и улетим подальше… А если протянем с запуском, падая по баллистической траектории, и пройдём точку невозврата, когда останется только в шлюпку прыгать? А «корсар» грохнется в обитаемой зоне и кого-нибудь там задавит?… Это ж и посмертно стыда не оберёшься…

Все эти мысли проскочили в голове командира за секунду, пока он боялся совсем другого: сейчас окажется, что прямой сигнал на блок управления реактором не проходит. Жёсткая перезагрузка, она специально для аварийных ситуаций – и не проходит. Ну потому что у нас авария. Просто ради такого случая. Чтобы уж полное безобразие.

Тут, к счастью, безобразие кончилось.

«Корсар» медленно – пока ещё медленно – снижался.

Командир сделал несколько глубоких вдохов.

Отдышавшись, он должен был первым делом опросить экипаж о самочувствии и раздать указания. Но командир сказал:

– Ну-у, Кацман… Удружил!

* * *

Корабль был подержанный, взяли его на один рейс, сделав вид, что берут на пробу – а там поглядим, как себя покажет. Может, он нам не понравится. Может, мы его вообще доломаем. Поэтому кораблю даже имени не дали, звали по модели, «корсаром», и, наверное, зря. Стоило бы с ним познакомиться как положено, руками ласково потрогать, задушевно поговорить, чтобы машина почувствовала: хозяин пришёл, не обидит. Это все мистика и суеверие, конечно,

зато работает, проверено.

Но командиру экипажа, капитану коммерческого флота Андрею Воронцову, как-то сразу этот потасканный «корсар» не глянулся, и сама миссия его раздражала, и дурацкое положение, в котором оказалась команда, а ещё отдельно раздражал Кацман.

Хотя, казалось бы, именно Кацман и эту миссию состряпал от начала до конца, и корабль подогнал, и строго говоря, командир должен был его за такой подарок расцеловать во все места. Но почему-то не хотелось.

Много лет с человеком работаешь, не ждешь ничего особенного, и вот наступает момент, когда ты сел в лужу, и человек внезапно тебя выручил, а ты вместо «спасибо» хочешь дать ему по шее как минимум и сам не понимаешь, с чего бы это.

Наверное, с того, что Кацман – славный, в общем, парень – немного перегнул палку и фактически пролез в команду путем невинного, но упорного шантажа. Всего на один рейс. А вот не надо было так. Мог по-хорошему попросить – и его бы взяли. Но Кацман, наверное, думал, что не возьмут ни в какую, он ведь только по первому диплому геодезист, а по второму юрист, а по жизни вовсе офисная крыса, кому нужен такой балласт в космосе. И воспользовался обстоятельствами, а этого никто не любит.

Тем более, если у тебя крепко сработанная команда и любой наезд со стороны ты воспринимаешь как покушение на всех сразу.

Воронцов возил Мюллера по всей Солнечной системе, когда был ещё вторым пилотом, и эти двое отлично спелись. А ещё они разглядели тренд: великие державы хотят осваивать космос, но сами не имеют достаточно средств и начинают выпускать во Внеземелье корпорации – разрабатывайте и обживайте, добывайте и обогащайтесь. Когда Воронцов получил капитанские нашивки, они с землемером основали фирму из двух человек, обозвали её «Универсальная геодезия», имея в виду, что «Universal» это вам не комар чихнул, и прикупили в кредит подержанный «пеликан». Мюллер нашёл по знакомству молодого геолога-австралийца с типично австралийским именем Буба Лордкипанидзе. Воронцов привёл инженера, своего соотечественника Пашу Безбородко, а чуть позже второго пилота с типично британским именем Салман Хикмет. Штурман,

американец Майкл Росси, образовался сам, ему обрыдло ходить на грузовой линии туда-сюда-обратно, он хотел нестандартных задач, и с геодезистами ему оказалось в самый раз.

Оформлением документов занимался Давид Кацман.

Он никогда не был членом команды, просто сидел в офисе регистрационной службы. Но как-то вышло, что один раз оформление прошло через Кацмана, другой, третий, и Мюллер отметил: парень работает чётко, компетентно и по-хорошему увлечённо. Ещё парень не просит денег за чёткость и скорость, он и на зарплате всем доволен. Это могло значить только одно: Кацман видит себя в перспективе начальником отдела, потом департамента, а там уже как пойдёт. И он не выслуживался, просто знал, что рано или поздно его оценят.

Мюллер позвал Кацмана на кружку пива и сказал: парень, у тебя если нарисуется что интересное, ты нам свистни, получишь долю как агент. Не стесняйся, все так делают, за это ещё никого не выгоняли с работы. А Кацман ответил: понимаешь, мне нельзя подставляться, у меня наполеоновские планы, я хочу захватить власть в регистрационной службе и научить её наконец работать так же лихо, как работаете вы, астронавты. Ты, вообще, понимаешь, господин космический землемер, чем мы занимаемся? Мы столбим участки под строительство на других планетах! Мы делаем то, о чём мой дедушка читал в фантастических романах. И вот я, простой Кацман из Квинса, балбес, который никогда не выезжал за пределы мегаполиса и элементарную корову видел только в цирке, оформляю сейчас твою заявку, а в ней написано: астероид такой-то. Астероид, ядрёна мама! На нём поставят автоматическую фабрику, туда будут ходить корабли… Я сижу в офисе, в четырёх стенах, и держу руку на пульсе космической экспансии человечества. Когда я стану начальником всего этого… Надо будет успеть сначала жениться и нарожать детей, а то, наверное, у меня вовсе ум за разум зайдёт.

«А-а, ещё один романтик», – сказал Мюллер.

Как тут не стать романтиком, когда мы общаемся с представителями иных цивилизаций? У тебя лично голова не кружится от такого?

«Ну-ну, – сказал Мюллер, – общаемся мы, как же. Гильдия Торговцев просто мимо пролетала, им с нами в ближайшую тысячу лет толком говорить не о чём. Так,

поставили нас в известность о некоторых обстоятельствах… Другой разговор, какой толчок эта встреча дала к освоению Солнечной системы».

«Ну вот видишь, – обрадовался Кацман. – Или я идиот? Иногда мне кажется, что я просто идиот восторженный».

«Да все нормально, – сказал Мюллер. – У нас с Андреем таких, как ты, полный экипаж, только им обычно некогда думать про романтику, слава богу. Они потом, как на Земле пива выпьют…»

«Познакомь при случае», – попросил Кацман.

И Мюллер их познакомил, и они выпили пива, и ещё потом не раз выпили пива, и Кацман всем очень нравился, особенно его идея «научить регистрационную службу работать».

Тем временем Кацмана оценили, он стал-таки начальником отдела и теперь лично с бумажками «Универсальной геодезии» не возился, но присматривать – присматривал. Скорость и чёткость только возросли.

А «Универсальная геодезия» расплатилась за свой «пеликан», вылизала его до блеска, летай – не хочу, команда заметно прибавила в весе, обзавелась недвижимостью, гуляла друг у друга на свадьбах, и тут случилась неприятность. Реактор сначала легонько подтекал, а тут начал просто сифонить. Гарантия ещё не кончилась, она на реакторы такого типа до полувека, и как производитель ни старался доказать, что энергетическую установку плохо обслуживали, «Универсальная геодезия» от его провокаций успешно отмахалась сервисной книжкой. Но переборка реактора занимает минимум три месяца, плюс ходовые испытания и повторная сертификация – в сумме до полугода. И расходов внезапных предостаточно.

Сидеть дома, считая мелочь и теряя выгодные заказы, очень не хотелось. И тут Мюллеру позвонил Кацман.

«Есть интересная работа на Титане, – сказал он. – И один мой знакомый готов задёшево сдать „корсар“. Он заинтересован в долгосрочной аренде с последующей продажей, ну и сделаете вид, что берёте корабль на пробу. Если станет наводить справки о вас – так логично: „корсар“ круче „пеликана“. Я знаю,

у вас свободных денег кот наплакал, вы сейчас можете лететь только в кредит, поэтому сам финансирую экспедицию. Даю беспроцентную ссуду с возвратом, когда сможете. Условие одно – возьмите меня пассажиром. Медкомиссию я прошёл, допуск к полётам есть. И отгулов за переработку на месяц набежало, плюсану к отпуску, в самый раз хватит. По рукам?»

Напрасно Кацман это ляпнул: «условие». Надо было ему – попросить.

Но простой Кацман из Квинса хоть и «держал руку на пульсе», а совершенно не был уверен в себе. Особенно перед астронавтами. Он, наверное, всё утро этот свой монолог репетировал.

Мюллер пришёл к Воронцову – и начал против обыкновения мямлить и запинаться.

«Зачем ему это надо?» – спросил командир.

«Он хочет увидеть кольца Сатурна».

«Ты серьёзно? Он может их увидеть на симуляторе. Они там совсем как настоящие, мы же с тобой знаем, объясни ему. Пусть слетает на симуляторе через щель Кассини. Впечатлений – на всю жизнь, мне до сих пор боязно».

«Он хочет по-настоящему. Пойми, этот парень никогда не выезжал из своего города. И в общем, не собирается. Но у него есть мечта…»

«Этому парню уже под сорок лет! – взорвался командир. – Он идиот! Мне не нужен идиот на борту в дальнем рейсе! Что он будет там делать всю дорогу?! Заниматься идиотизмом?!»

«У него всё продумано. Книгу будет писать», – коротко сообщил землемер.

Чтобы осмыслить эту информацию, командиру понадобилось секунд пять. С одной стороны, непозволительно много для капитана планетолёта, а с другой – таких зубодробительных вводных ему в жизни не давали. Говоря по-простому, Воронцов слегка обалдел.

«Роман про общение с иными цивилизациями? – спросил он вкрадчиво. – Надеюсь, эротический!»

«Учебник по регистрационной практике. У него и заказ есть, только времени не хватает…»

«Ты так говоришь, будто тебе эта идея нравится!»

«Ну не сидеть же на заднице полгода… Нам тогда на следующий полёт всё равно кредит брать придётся…»

В спорных положениях командир собирает всех и предлагает высказываться. Ещё вчера Кацмана очень уважали, но тут на его голову – по счастью, отсутствующую – вылилось несколько вёдер отборных помоев. Саму идею признали неглупой, но – без Кацмана. Идти на незнакомом корабле можно, его ведь проверят, риск умеренный, но этика астронавтов не рекомендует брать в такой рейс пассажира, если можно без него обойтись. А то вдруг навернёмся – получится некрасиво, бросим тень на всю профессию. Когда сами астронавты гибнут, плачут только родственники и коллеги. Когда астронавты ещё кого с собой прихватят на тот свет, шум поднимается оглушительный, даже если сразу видно, что не виноваты. Астронавтов любили, пока их было мало, и они выглядели героями, а когда превратились в извозчиков, отношение поменялось. Теперь все знали, что в космическом бизнесе крутятся огромные деньги, и астронавты неизвестно почему слишком много оставляют себе на зарплату. Так что о репутации приходилось думать и думать.

Общее мнение команды сложилось такое: мы готовы сделать дело, и пускай Кацман как инвестор на этом хорошо заработает. Ещё и в ножки ему поклонимся. Но никаких пассажиров.

Мюллер пошёл к Кацману и получил решительный отказ. Или всё – или ничего. Дайте мне кольца Сатурна, а денег мне не надо, и я вас не подведу.

«Просто для очистки совести посмотрим корабль», – сказал командир.

Крупнейший грузовой космодром мира в Неваде соседствовал с крупнейшей стоянкой подержанной космической техники и крупнейшим же – в Америке всё самое большое, даже стейки и унитазы, – «кладбищем планетолётов». Жизнь на

«кладбище» била ключом, оттуда на стоянку пёрли всё, что можно и нельзя. Естественно, репутация у стоянки была так себе, но, имея на ней проверенного человека, можно и вправду подобрать неплохую машину. Кацман заверил: человек – самый что ни на есть проверенный, лучше не бывает.

Да, здесь надо держать ухо востро и быть очень компетентным и дотошным, чтобы не прикупить кота в мешке. В странах с традиционным режимом – России и Британии, например, – государство жесточайше контролирует всё, что летает в космос, а Америка отдала эту тему на откуп частным компаниям. Сам решай, что лучше. У русских ты можешь взять подержанный корабль, будучи уверен, что полетит он, как новый, но и стоить будет почти как новый, и ещё на каждом этапе оформления тебе намекнут: можно дешевле, но ты поделись. Распоследний надворный советник тянет лапу и глядит жадными глазами, а элементарный коллежский асессор задирает нос до небес и может заблокировать сделку из-за того, что ты косо на него посмотрел. Та же ерунда творится с распределением заказов на частные космические изыскания и разработки. Советников и асессоров регулярно арестовывают и гонят под суд, но на их место бегут новые ничуть не лучше – уж больно много денег крутится рядом с космическими кораблями. Почему, собственно, команда Воронцова «паслась» на американском рынке – тут возможностей была прорва, а коррупция по сравнению с родными пенатами самая щадящая.

Разумеется, когда честный парень Кацман говорит, что мистер Смит вас не надует, это не повод снижать бдительность. Мистер Смит может втюхать вам межпланетное корыто просто потому, что он самый обычный менеджер с «космическим» дипломом, а его главного инженера («десять лет на „Боинге“ отработал») выгнали из корпорации «Боинг» за профнепригодность, а механики вообще прирождённые убийцы, им автомобиль дать в руки страшно, они для ускорения процесса монтажа забивают датчики в гнёзда молотками.

Поэтому Воронцов приказал экипажу бдительность удвоить, соваться во все дыры и вообще держаться нагло. А то угробимся – и винить потом некого, кроме себя. Знаем мы эти «корсары» задёшево, не бывают они дешёвыми. «Корсар» – относительно свежая машина, очень неглупо сконструированная. Она бы нам и в собственность пригодилась, да вот мы пока не миллионеры.

И учтите: двадцать лет назад, когда «корсары» только пошли в серию, у них было несколько аварий, они при посадке бились слегка. Поговаривали, что сами корабли ни при чём, это проблема эксплуатации, но, тем не менее,

расположение гироскопов поменяли, а шасси усилили. Просто так модернизацию не проводят. Нам предлагают десятилетку, и всё равно смотрим в оба.

«Десятилетки пару раз бились просто в хлам, я узнавал, – сказал бортинженер. – Но это точно были проблемы экипажа. „Корсары“ прощают грубые ошибки в пилотировании, они вообще очень много умеют сами, вот народ расслабляется – и бьётся. А так, конечно, машина замечательная».

«Мой экипаж не расслабляется», – напомнил командир.

На том и порешили.

Корабль мистера Смита оказался вроде не плох, но с особенностями, характерными для подержанной техники, которую стоило бы сразу капитально отремонтировать, чтобы дальше уверенно мучить в хвост и в гриву. А пока вы его на предельных режимах долго не гоняйте, давайте остыть. Но у вас же не планируются такие режимы?… Это меняли, и это меняли. Почему так рано меняли? Были сбои. Нет, как раз вот это не меняли, оно ходит и ходит… Слушайте, ну «корсар» же, на сегодня нет машины надежнее в коммерческом флоте. Главное – остыть ему давайте. Он денёк отдохнёт на малой тяге – и как новенький.

Его протестировали снизу доверху, он старательно прикидывался самой надёжной машиной коммерческого флота. Воронцов все равно ему не доверял. Что-то с этим «корсаром» было не так, но, похоже, чисто по мелочи. Если случится отказ, то легко устранимый силами экипажа. При известной внимательности на таком планетолёте можно смотаться к Титану и обратно с посадками хоть три раза. Ты только следи, не расслабляйся.

Последовала дискуссия, в ходе которой громче всех ругались пилот и инженер, Мюллер изображал старого космического волка, а командир выразительно молчал. Он видел главное: все очень хотят снова лететь. Астронавты на этот счёт такие же больные, как лётчики, им нельзя без неба. И если команда просидит «внизу» полгода, кто знает, как она себя покажет дальше. Ещё непонятно, кто сильнее потеряет навыки – экипаж или геолог с геодезистом. Эти могут вообще интерес к космической работе утратить, они-то и на Земле не пропадут. А замену поди найди, да и не хотел командир искать замену.

Воронцов позвонил Кацману и сказал: «Чёрт с тобой».

Кацман на том конце линии как-то странно задышал – кажется, боролся со слезами.

Воронцов лишний раз уверился, что берёт на борт идиота, но ему вдруг стало Кацмана очень жалко. Командир понял мечту клерка о кольцах Сатурна, пропустил через себя – и посочувствовал.

Много позже, когда они уже подошли к месту назначения и вместе любовались кольцами, Воронцов спросил:

«Слушай, Давид. До меня только сейчас дошло. Этот Смит, у которого мы арендовали корабль, он, конечно, по фамилии Смит, только с лица порядочный Кацман. Сознавайся – родственник?»

«Ну… В общем… Дальний родственник».

«Ну ё-моё…» – протянул командир по-русски, и Кацману послышалось нечто знакомое. Кажется, так иногда говорил его дедушка, тот самый, который любил фантастику про контакты с иными цивилизациями и заразил внука мечтой о полете к Сатурну.

«Напрасно ты это сделал, – сказал командир. – Очень напрасно».

«Да ладно, он не сильно расстроится, когда мы корабль вернём. Всё равно ему прибыль, а я сэкономил».

«Дурачина ты, – сказал капитан. – Так можно и шкуру свою… Сэкономить. Кота в мешке всегда подсовывают не чужим, а своим, если есть возможность. Потому что родственник в случае чего тебя не убьёт, пожалеет».

«Что не так с кораблем?!» – встрепенулся Кацман.

«Да все нормально пока. Но мы с Пашей ему не доверяем. Ладно, забудь. Мы следим за машиной, авось обойдётся».

Уже на Титане, глядя, как жадно Кацман прилип к иллюминатору – выпускать его из корабля уговора не было, там за бортом – одна седьмая земной тяжести и сильный ветер, – командир вдруг спросил:

«А что же ты, друг, не пошёл в астронавты?»

«Маму пожалел, – ответил Кацман. – Мама очень боялась…»

Воронцов кивнул. У него мама тоже боялась. До сих пор боялась.

Не взбрыкни проклятый «корсар» на торможении, Кацману никто и никогда не сказал бы больше худого слова.

А попробуй кто – получил бы от Воронцова лично в лоб.

* * *

– Ну-у, Кацман… Удружил!

Похрустывая и потрескивая от нагрева, корабль падал в Тихий океан.

Экипаж боролся за живучесть, то есть со всей возможной скоростью перезапускал системы. Мюллер общался с диспетчером – должна же Земля знать хотя бы приблизительно, где искать терпящих бедствие. Лордкипанидзе монотонно давал отсчёт – сколько осталось до точки невозврата. Кацман благоразумно помалкивал.

Приводнение означало: они не причинят никому ущерба, и это очень хорошо. Ложкой дёгтя оставалось то, что корабль они утопят с концами, даже если реактор даст тягу, поскольку садиться тупо некуда, одна солёная водица. А значит, впереди долгое выяснение отношений со страховой компанией. Приводнившийся «корсар» плавает немногим лучше утюга; на этот случай в нём предусмотрена аварийная капсула для выныривания и последующего беспорядочного кувыркания в волнах. Никого эта перспектива не радовала. По-хорошему, надо было уже сейчас, пока не поздно, всем прыгать в шлюпку и отчаливать в направлении ближайшей суши. Но Воронцов упорно пытался восстановить контроль над двигательной установкой: капитанов учат бороться

до конца. Если была в запасе секунда, а ты сдался – плохой ты капитан.

В запасе оставалось секунд примерно двадцать, когда «корсар» ожил, выпустил под себя яркий сноп пламени и начал замедлять падение. А потом штурман заорал:

– ЗЕМЛЯ!!! НА РАДАРЕ!!! ЗЕМЛЯ!!!

И ещё на нервной почве добавил несколько американских идиом, которые экипаж в принципе знал, но старался не употреблять на борту.

– Дай мне траекторию, – сказал командир. – И сразу пускай зонд.

Под кораблём на снижении в атмосфере такой факел, что ни черта не разглядишь. На этот случай в сторону отстреливается зонд-разведчик, он падает, обгоняя корабль, и даёт картинку. Мало ли, что там за земля, вдруг одни скалы и садиться некуда.

Потом все молчали, затаив дыхание. «Корсар» интенсивно тормозил, поэтому точка невозврата сместилась, но всё равно тикали секунды, пока ещё можно безопасно уйти на шлюпке. Промедлишь – и шлюпка просто не успеет набрать ускорение, плюхнется. А плавает она немногим лучше «корсара», то есть всё равно сравнимо с утюгом. И спасательной капсулы на шлюпке нет.

Потом все дружно выдохнули.

Почти точно под «корсаром», ну самую малость подправить траекторию, был чёрный-чёрный подковообразный остров. Невысокая, вряд ли выше полусотни метров, скалистая гряда и широкий ровный пляж. Никаких проблем, наши посадочные опоры приспособлены для сыпучих грунтов. Выхлопом корабль выроет на пляже большущую яму – ну в неё и сядем.

– Лорд, что скажешь? – спросил командир.

– Этот чёрный песок более сыпуч, чем обычный, но нам хватит. Типичный вулканический остров, молодой совсем.

– Приготовились, – сказал командир. – Принял решение: садимся. Радисту определить точные координаты и передать диспетчеру.

– Есть точное место, передаю.

«Корсар» выпустил «ноги», упёрся огненным столбом в чёрный-чёрный пляж и задрожал, останавливаясь в воздухе.

– Земля желает удачи, – невнятно доложил Мюллер. – Нас уже идут спасать.

И тут «корсар» сел.

А через секунду вместо того, чтобы растопыриться и упереться, корабль… Поскользнулся. Нелепо засучил «ногами» и начал валиться на бок. Командир попытался ему помочь, оттолкнувшись маневровыми, но «корсар» будто стоял на ледяной шишке: его только закрутило, и он окончательно потерял равновесие.

В наступившей мёртвой тишине раздалось одно слово:

– Спокойно.

Это сказал опытный космический волк Мюллер, непонятно кому, скорее всего, себе.

Потом «корсар» грохнулся. С лязгом, звоном, треском, электрическими искрами, под отвратительный вой аварийной сирены, включившейся, когда была уже ни к чёрту не нужна, корабль рухнул точно на тот борт, где из обшивки выступала шлюпка, и судя по звуку, раздавил её к такой-то матери.

Потом сирена заткнулась, потому что вырубилось всё.

Потом корабль издал пугающий хруст и безвольно обмяк всем корпусом, будто сдулся. Где-то вдалеке звонко рвались трубопроводы. С потолка, то есть с бывшей стены, на астронавтов градом посыпались обломки пластмассы и отдельные приборы, какие помельче, а за ними и какие побольше: внутреннюю обшивку перекосило, и она выдавила внутрь рубки всё навесное оборудование.

Рубочный люк, согласно инструкции задраенный, проскрежетал что-то и рухнул в коридор. Стало слышно, как в коридоре весело журчит. Хотелось надеяться, что просто вода.

И тогда Кацман не нашёл ничего лучше, чем тихонько буркнуть себе под нос:

– Ну уж тут я точно не виноват.

Ох, напрасно он это ляпнул.

* * *

Из ямы торчал гладкий чёрный купол, это на нём «корсар» поскользнулся. Воронцов с Хикметом и Росси стояли на краю воронки и разглядывали внезапную аномалию.

– У меня одного такое ощущение, что я эту штуку уже где-то видел? – спросил пилот.

– Нет, не у тебя одного.

– И меня сосчитайте, трое нас.

– Влипли, – заключил пилот.

– А что у нас с кораблём, кто-нибудь понял? – спросил штурман.

– Есть версия, – сказал командир. – Паша сейчас проверяет. Но я не хочу в это верить. Прямо с души воротит, если угадал.

– А меня вот от чего реально с души воротит, – пилот ткнул пальцем в сторону чёрного купола. – Если я тоже угадал, конечно.

Подошёл Лордкипанидзе.

– Я был не совсем точен, – сказал он. – Это, конечно, вулканический остров, но относится к категории всплывающих. Его магма выдавливает наверх, а потом, когда процессы успокаиваются, он снова тонет. Это самая верхушка подводного хребта.

– И как часто он ныряет? – спросил командир, глядя на чёрный-чёрный купол.

– Да кто его знает, мастер. В любой момент. Были уже прецеденты, у берегов Сицилии всплывала здоровенная гора. В девятнадцатом веке из-за неё чуть не передрались наши с испанцами и сицилийцами. Там ещё кто-то претендовал, я точно не помню.

– А ваши-то что там забыли?

– А когда остров вынырнул, мимо как раз проходил британский корабль с целым адмиралом на борту. Ну и заявили права. Бодались по дипломатическим каналам полгода, уже почти дошло до вооружённого конфликта, тут остров подумал, что на фиг ему всё это надо – и снова погрузился.

– Поскорее бы, – процедил командир.

– Э-э… Вы о чём, мастер?

– У нас тут тоже поблизости… Корабль с адмиралом.

Командир расправил плечи и поглядел на геолога, словно очнувшись.

– Мы ведь можем твоей системой обмерить эту штуковину?

– Думаю, без проблем. Раскидаем датчики…

– Действуй. Прямо сейчас. Вся команда в твоём распоряжении, кроме инженера. Питание он тебе на систему подаст, когда скажешь. Электричества у нас много. Времени мало, так что давай в темпе.

Геолог вгляделся в лицо командира и тоже как-то приосанился.

– Здесь лежит то, о чём мы все думаем? – спросил он.

– Очень надеюсь, не то. Были похожие корабли. Вот я и говорю – надо быстро сделать замеры. Чтобы дальше бояться всерьёз… Или не бояться.

– Понял вас, мастер. Салман, Майк! Слышали? Вы теперь мои. Ну, дело привычное, да?

Из люка высунулся инженер.

– А где Кацман?

– Они с Эриком в трюме проверяют, как там наше оборудование. Кстати, сейчас оно понадобится. Зачем тебе Кацман?

– Хочу ему в рожу плюнуть.

– Что ещё за самодеятельность? – командир нахмурился. – Доложи по порядку.

– Вы были правы, мастер, «корсар» нам подсунули хорошо битый, только дело ещё хуже. Можно я сразу громко и всем, чтобы не повторяться?… Джентльмены, поздравляю, мы сходили туда и обратно на корабле с поддельными документами!

– КАЦМАН!!! – рявкнул командир.

Пилот и штурман уже стояли рядом, с видом самым решительным. Окажись Кацман поблизости, было бы ему весело.

– Сейчас позову, – голова скрылась в люке.

– Стой! Паша! Вернись. Это я от неожиданности.

– Понимаю и сочувствую, – сказал инженер, высовываясь обратно. – Да я сам от неожиданности чуть не пошёл его убивать. Значит, докладываю. Поскольку у нас много чего отвалилось, я смог пролезть и взглянуть на силовой набор

корпуса. Он, во-первых, основательно чиненный, а во-вторых, маркировка не совпадает. Это «корсар» номер шесть, ему двадцать лет, и я точно знаю, что он уже бился при посадке и падал на бок. Я так понимаю, его собрали из двух кораблей, собственно шестого и какой-то десятилетки, вероятно разбитой там же, в Неваде. Просто не знаю, где ещё можно скрыть аварию корабля, только в Штатах, у нас ведь если узнают, секир-башка сразу… Документы взяли от десятилетнего, сунули на лапу кому надо в техконтроле… Почему он так хорошо себя вёл на всех режимах – значит, жёсткость корпуса восстановили качественно. Спасибо и на этом, как говорится. Но второго падения ему, конечно, хватило. Укатали сивку крутые горки…

Последние слова он произнёс по-русски и задумался, как бы перевести.

– Вот же сукины дети! – перевёл по-своему Лордкипанидзе.

– Ориентируешься правильно, – согласился инженер.

– М-да… – протянул задумчиво пилот. – Теперь многое в поведении машины становится яснее. Но надо сказать, эти мерзавцы знают своё дело.

– Спасибо, Паша, – сказал командир. – Теперь, пожалуйста, вот что… Нам нужно питание на датчики системы геологоразведки. И свистни Эрику – пусть тащит её сюда. Если она не разбилась, конечно.

– Принято к исполнению. С Кацманом что делать?

– Плюнь ему в рожу от нашего имени! – предложил штурман.

– Ничего не делать, – сказал командир. – Он не виноват.

– ЧЕГО-О?! – возмутились хором сразу все.

– Сами подумайте, – посоветовал командир.

Он почувствовал, что с ним не согласились, но его послушались, и это было главное.

Его команда угодила в ситуацию, когда нет ничего важнее взаимного доверия и слаженности действий. Иначе всем хана. Глобально.

На чёрном-чёрном острове под слоем чёрного-чёрного песка лежала влипшая в магму Чёрная Смерть, у командира не было в этом сомнений. Легендарный корабль расы космических скитальцев, о котором предупредила землян Гильдия Торговцев. По их данным, последняя известная Чёрная Смерть ушла в направлении Солнечной системы ещё в незапамятные времена, и больше её не видели. Теоретически на корабле должны были находиться две, образно говоря, бомбы, каждая из которых убивала всё живое на целом полушарии, не трогая инфраструктуру. После чего из корабля высаживалась, опять-таки образно говоря, муравьиная матка с рабочими и колонизировала планету. Выжрав дочиста биосферу, насекомые строили новый корабль, сажали на него следующую матку, и та уходила дальше в поисках нового места, а оставшиеся просто вымирали. В чём смысл такой стратегии, Гильдия Торговцев если и понимала, объяснить не смогла, а скорее всего, просто относилась к этому как к некой данности: ну вот есть во Вселенной разные уроды.

Сама по себе Чёрная Смерть была если не технологическим шедевром, то где-то рядом, и кто сумеет разобраться хотя бы в её двигательной установке, уже в огромном выигрыше. Но одна-единственная бомба, активировать которую наверняка не проблема – и уж совсем не проблема соврать, будто ты знаешь, как это сделать, – даст формальному владельцу корабля возможность диктовать свою волю остальному человечеству.

Особенно если владелец живёт в одном полушарии, а остальное человечество в другом. Потрясающий соблазн. Что для империи дряхлой, но гордой, что для империи молодой и наглой.

Место для подрыва сейчас неудачное – это повезло, конечно, – но выдолбить корабль из скалы, в которую он вплавился миллион лет назад, подобраться к люкам, вскрыть их и либо извлечь оружие, либо перетащить корабль целиком, куда тебе надо, на нынешнем техническом уровне решается легко. Капитану Воронцову хватило нескольких секунд, чтобы представить себе все доступные варианты. И вероятные сценарии развития событий тоже.

Все они ему не нравились.

А особенно не нравилось то, что услышал Мюллер от диспетчера перед самой посадкой: здесь на море практически нет движения, торговые пути далеко, но мимо идёт по своим делам эскадра ВМС США, и один фрегат уже имеет приказ отвернуть к точке падения «корсара» и снять с острова терпящих бедствие. Прибытие ориентировочно через двадцать часов.

Мюллер ещё обрадовался, что их снимают американцы – быстрее попадём в Штаты и отрихтуем физиономию мистеру Смиту. Если его раньше страховая компания не съест живьём, она ведь начнёт разбираться, почему на таком хорошем корабле такая загадочная электрика, и наверняка что-нибудь удивительное откопает.

Удивительного про свой корабль они теперь знали более чем достаточно без помощи страховщиков.

А вот второй удивительный корабль был тут даром не нужен.

* * *

На чёрном-чёрном пляже стоял импровизированный тент, а под ним на ящиках от геодезического оборудования сидели грустные-грустные люди.

– Время уходит, – сказал командир. – Пока что над нами облачность. Но едва облака разойдутся, нас станут искать со спутников и могут разглядеть лишнее. Поэтому – резюмирую. Мы тут все, строго говоря, обыватели. Но мы уверены, что Чёрная Смерть неминуемо изменит баланс сил на планете, в чьи бы руки ни попала. Более того, сам факт присутствия этой штуки на Земле может вызвать большой конфликт, войну на опережение. Кто за кого подпишется и чья в итоге возьмёт, предсказать невозможно, но драка – будет. И теперь я спрашиваю: как мы можем исправить ситуацию? Есть идеи?

Команда молчала и переглядывалась.

– Раз уж всё так официально, прошу занести в протокол моё особое мнение, – сказал штурман. – Тут были высказаны э-э…

– Инсинуации, – подсказал командир.

– Спасибо. Инсинуации в адрес Соединённых Штатов Америки и их внешней политики. Я заявляю по этому поводу решительный протест. Моя великая родина последовательно борется за мир и демократические свободы во всём мире…

– В гробу мы видали такую борьбу за мир, – ввернул Мюллер. – И такие свободы.

– …и на этом основании я заявляю: единственный шанс сохранить найденный нами инопланетный корабль в неприкосновенности, сделать его общим достоянием человечества и справедливо использовать технологии, которые удастся из него извлечь, – передать корабль в собственность США.

Все, даже Кацман, посмотрели на штурмана неодобрительно.

– Зафиксировано, – командир повернулся к Кацману. – Какой юридический статус у Чёрной Смерти, ты разобрался?

– Погодите, мне никто не хочет ничего сказать? – спросил штурман.

– Мы тебя не осуждаем, – сказал Мюллер. – Ты просто молодой ещё. У тебя какие-то иллюзии. Это бывает, и это пройдёт.

– Я тоже молодой, а иллюзий никаких, – сообщил пилот. – И вообще я вас всех ненавижу, особенно Кацмана.

– И это пройдёт, – заверил его Мюллер. – Помнишь, я на краю ямы остался сидеть? Ух как я вас всех ненавидел в тот момент.

– Особенно Кацмана, – подсказал геолог. – А вот я всех люблю, даже тебя, зануда. И тебя, Майк. Давайте вместе как-то…

– Давайте к делу, – перебил командир. – Кацман, докладывай.

– Статус Чёрной Смерти – запутанный вопрос. Надо установить, что тут у нас: бесхозная недвижимость, просто находка или клад.

– Ты нам мозги не пудри, – вмешался Мюллер. – Тебя спросили – отвечай.

– Я и отвечаю… Если недвижимость…

– Движимость! – перебил командир.

– Как скажете. Просто хочу предупредить, что если корабль признают недвижимостью, он в конечном счёте отойдёт муниципалитету. Да-да, муниципалитета здесь сейчас нет, но ведь будет. А вот если Чёрная Смерть – находка… Да чего вы злитесь так? О находке мы обязаны немедленно заявить в полицию или органы местного самоуправления. Если в течение полугода не будет найден хозяин, корабль переходит в нашу собственность.

– Полгода… – протянул командир.

– За полгода все политики насмерть перегрызутся и устроят войну, это к гадалке не ходи, – процедил сквозь зубы пилот. – А вы ещё спрашиваете, почему я вас ненавижу!

– И в мыслях не было тебя спрашивать, нужен ты нам больно такой злой, – мягко сказал геолог и положил руку пилоту на плечо. Тот дернулся и руку сбросил. Кажется, он был действительно очень зол.

– Но намного хуже, если этот корабль – клад, – осчастливил публику Кацман. – Тогда нам принадлежит ровно половина, а половина отходит собственнику имущества, в котором клад был сокрыт.

– Какому?

– Ну все тому же – какой тут образуется. Кто заявит право на остров.

– А что такое по закону клад?

– Деньги или ценные предметы, намеренно сокрытые и, в отличие от находки, не имеющие собственника… Вы уверены, что Чёрную Смерть не спрятали здесь нарочно? Я бы не рискнул это утверждать. Суд может быть иного мнения.

– Чёрт побери! – Пилот аж подпрыгнул.

Все посмотрели на него.

– Мы ведь не можем просветить Чёрную Смерть насквозь. А вдруг собственник… Внутри сидит? Ну лежит там в анабиозе, например.

– Тем более не надо соваться внутрь, – сказал командир. – А то ещё разбудим.

– Разрешите, я озвучу самый неприятный вариант, и на этом у меня всё, – попросил Кацман.

– Ты всегда самую гадость оставляешь напоследок, – буркнул Мюллер.

– В случае обнаружения нами клада исключение составляют вещи, признанные памятниками истории и культуры. Их судьба решается судом на основании научной экспертизы. Думаю, признать Чёрную Смерть памятником истории – раз плюнуть. Но есть вариант намного проще. Если раскопки и поиск ценностей производились без разрешения собственника имущества, в котором сокрыт клад, тогда общая собственность не наступает в принципе. И хозяин земли получает всё.

– А мы тут произвели раскопки, – сказал командир, оглядываясь на яму.

– Без разрешения, – добавил Кацман.

– Это конец, – резюмировал пилот. – Это война.

Он встал и принялся нервно расхаживать по чёрному пляжу.

– Вы тут все с ума сошли, – сказал штурман. – Да почему война-то?

Никто ему не ответил.

– У тебя же был вариант, мастер, – напомнил Мюллер. – Давай уж. Выручай нас.

Командир закусил губу. Оглядел людей. Тыльной стороной ладони стряхнул пот со лба.

– Я вижу задачу так, – сказал он. – Надо законсервировать Чёрную Смерть здесь на веки вечные, чтобы никто не мог к ней сунуться. Через тысячу-другую лет мимо нас снова пройдёт караван Гильдии Торговцев. Тогда мы попросим их взять корабль и зашвырнуть его в ближайшую чёрную дыру. Если, конечно, сами к тому моменту не дорастём до этого. Нормальный план? Кто не согласен?

– Ни себе, ни людям, – буркнул штурман.

– Но ведь тоже вариант, а, Майк?

– Я в меньшинстве, – сказал штурман. – Можете не обращать внимания. Кстати, Кацман, ты – предатель. Они тебя запугали, но это не снимает вины. Ты сейчас молчишь и меня не поддержал. Родину предаешь.

– Я о родине забочусь, – очень ровным голосом произнёс Кацман.

– Дать бы тебе в рыло…

– Попробуй.

Росси сидел напротив Кацмана и прыгнул на него прямо со своего ящика, из положения сидя. Он свалил противника на песок, но встать уже не смог, потому что нарвался на крепкий встречный удар в подбородок.

Кацман выбрался из-под бездыханного тела штурмана и с нескрываемым изумлением посмотрел на свой кулак.

Общество встретило победителя негромкими вежливыми аплодисментами.

– А ты ничего, – сказал Мюллер.

Кацман поморщился.

– Паша, займись пострадавшим, – распорядился командир.

– Я посмотрю, – сказал инженер, подошёл к штурману, перевернул его и осторожно пощупал челюсть. – Перелома вроде нет. Сейчас очнётся. Салман, у тебя там вода далеко?

Штурмана побрызгали водичкой, он открыл глаза и с трудом пробормотал:

– Ребята… А где это мы?

– На необитаемом острове в Тихом океане.

– Я потерял сознание? Тепловой удар?

– Да, мой хороший, перегрелся ты, – сказал инженер. – Рухнул мордой об контейнер, хорошо, что не носом.

– А где мы?

– На необитаемом острове в Тихом океане.

– Ну хорошо, – и штурман закрыл глаза.

Челюсть у него распухала на глазах.

– Сделаю я ему укольчик, – решил инженер. – Пусть спит. А то не нравится мне это. Лорд, кинь аптечку.

– А где мы? – спросил штурман, открывая глаза.

– Тебя не тошнит?

– Нет.

– Сколько пальцев видишь?

– Три.

– Молодчина. У тебя был тепловой удар, я сейчас успокаивающего дам, чтобы ты поспал немного, – проворковал инженер, заряжая ампулу в инъекционный пистолет.

– Паша, друг… Спасибо. А где мы?

– На необитаемом острове в Тихом океане, – с некоторым раздражением ответил инженер и выстрелил штурману в шею.

– Я посплю немного, – сообщил штурман, с трудом ворочая языком. – А мы летали на Титан?

– Да, Майк, мы уже вернулись, мы на Земле…

– …на необитаемом острове, я помню. Как же меня угораздило… Как я мог вас так подвести… Извините, ребята…

– Да ты что. Перегрелся. С каждым может случиться.

– Ты не понял, я же штурман. Если мы на острове, это я облажался.

– Нет-нет, это все Кацман, – утешил его инженер.

Раздался дружный подавленный смех. Даже невозмутимый командир зажал рот ладонью. Да и сам Кацман то ли всхлипнул, то ли хмыкнул.

– Кацман – отличный парень, – сказал штурман. – Знаешь, настоящий такой американец. Упорный и увлечённый. А где мы?

– Засыпай, мой хороший. Ты с нами. Ты в команде. Мы с тобой.

– Это хорошо. Вы для меня – как семья. Я с вами счастлив. Куда вы, туда и я. Извини, Паша, я посплю, давай потом все обсудим, – пробурчал штурман, зевнул и отключился.

– Ну ты даёшь, Кацман, настоящий американец, – сказал инженер. – Это же надо так приложить человека – все симптомы легкого сотрясения. Ладно, не тошнит, уже хорошо…

– Я, наверное, и вправду предатель, – Кацман выглядел совсем несчастным и смотрел под ноги. – Никудышный американец из меня. Вон как Майк за родину… А я…

– Майк – за выгоду, – сказал Мюллер строго. – А ты сейчас как раз за родину. Чтобы ей конец не настал.

– Продолжаем, – сказал командир. – Особое мнение коллеги Росси занесено в протокол и при подсчёте голосов будет учтено. Его последние заявления предлагаю считать помрачением рассудка вследствие теплового удара.

– Теплового удара в челюсть, – ввернул Мюллер. – Суров ты, мастер. А ведь парень за тобой в огонь и в воду…

– Парень имеет право на мнение, а я не имею права это мнение игнорировать. Итак, мы продолжаем. Зафиксировать Чёрную Смерть здесь и блокировать доступ к кораблю для кого угодно вплоть до момента, когда мы сумеем от него избавиться. Согласны?

– Вообще, учёным полазить бы по нему как следует… – произнес Лордкипанидзе, задумчиво оглаживая бороду. – Это ведь сколько открытий сулит. Там один материал обшивки…

– Изделие двойного назначения. Если ты понимаешь, о чём я.

– М-да…

– Даже сам факт того, что корабль существует, – уже имеет двойное назначение.

– Согласен. Жалко просто.

– Всем жалко, но что поделаешь. Слушайте, Майк сказал одну принципиальную вещь. Мы – семья, так уж получилось. У некоторых из нас есть э-э… настоящие

семьи, и мы любим своих близких и готовы за них даже умереть… Но когда встаёт проблема – кому делегировать ответственность, – полностью рассчитывать лично я могу только на вас. А вы на меня.

– Мы не семья, мы банда, – сказал Мюллер. – Мафия.

– Нам сейчас надо решить – кому мы передаём ответственность за Чёрную Смерть. Моё мнение – никому. Мы можем по-настоящему доверять только друг другу. Мы по воле рока нашли эту опасную вещь на нашей родной планете. Значит, нам её и хранить. И вещь, и планету.

– Слушайте, дайте мне тоже в челюсть, – попросил пилот. – Спать хочу. Я свой голос отдаю вам, командир. Вы не подведёте.

– Извини, но ты можешь отдать голос только Лорду, как соотечественнику. И я очень тебя прошу дотерпеть до конца.

– Почему?

– Потому что ты мой пилот, а я твой командир. Ты мне нужен, Салман.

Пилот уставился под ноги – в точности, как Кацман, и даже с похожим выражением лица.

– Никогда не думал, что это так трудно – решать за других. А мы же тут сейчас за всех… Виноват, мастер. Я с вами.

– Спасибо. Итак, если вернуться к юридической справке, данной нам господином Кацманом, мы можем решить задачу только одним законным образом. А именно, нам надо быть собственниками земли, на которой находится Чёрная Смерть. Земли и её недр, естественно, а то вдруг остров нырнёт. И воздушного пространства. Плюс территориальные воды – сколько там… Двенадцать морских миль. Все должно быть наше, и мы никого сюда не пустим. С этой целью я предлагаю реализовать наше законное право первооткрывателей и объявить остров Кацмана суверенным государством. Между прочим, Паша добрался до шлюпки, передатчик уцелел, у нас есть связь, мы можем выйти в эфир и сделать официальное объявление о суверенитете. Вопросы, жалобы, предложения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/oleg-divov/absolyutnye-mirotvorcy-sbornik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити